

ФЕДЕРИКО АКСАТ АМНЕЗИЯ

ОТ АВТОРА «ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРИЛЛЕРА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ» —
БЕСТСЕЛЛЕРА «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС»

Федерико Аксат
Амнезия
Серия «Черная серия (Синдбад)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51797812
Федерико Аксат – Амнезия: Синдбад; Москва; 2020
ISBN 978-5-00131-211-6*

Аннотация

Проснувшись на полу собственной гостиной, Джон Бреннер обнаруживает, что голова у него раскалывается от боли, несколько часов стерлись из памяти бесследно, на журнальном столике стоит пустая бутылка водки, а неподалеку лежат пистолет и мертвая девушка с пулей в груди. Неужели Джон, художник-иллюстратор детских книг, совершил убийство? И кто эта девушка? Джон готов поклясться, что видит ее первый раз в жизни – но что-то в ее чертах кажется странно знакомым...

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	19
5	20
6	25
7	31
7	35
9	41
10	45
11	52
12	59
13	69
14	73
15	80
16	83
17	88
18	90
19	95
20	102
21	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Федерико Аксат

Амнезия

Amnesia © by Federico Axat, 2018

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd.,
2020

© Издание на русском языке, перевод на русский
язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2020

*Моим родителям Лус Л. Ди Пирро и Раулю Э.
Аксату*

*Взглянули холоду в лицо,
В ледяное лицо.
А день молил о пощаде ночь...*

U2. One Tree Hill

1

Убитую девушку я нашел в гостиной.

Спросонок я ничего не соображал, как всегда бывало, когда случалось напиться и рухнуть без задних ног – куда угодно, только не в постель. Но реальность начинала напоминать о себе: сначала я услышал доносившийся с веранды скрип качелей, потом, не открывая глаз, потянулся и приложился рукой о торшер. По закону невезения, который в последнее время управлял моей жизнью, торшер свалился на пол, а абажур разлетелся на мелкие кусочки.

Тогда я понял, что валяюсь ничком посреди гостиной. Грудь сдавила боль, левая рука затекла, щека онемела. С трудом разлепив веки, я увидел на журнальном столике в метре от себя бутылку из-под водки. С пола она казалась огромной, таким грандиозным памятником моему ничтожеству. Я скривился от омерзения и стал было снова проваливаться в вожденную тьму, но голос совести не дал заснуть. Давно осознав, что у меня беда с алкоголем, я приучился слушать этот голос в самые первые горестные и тяжкие минуты после пробуждения – безропотно, как ребенок, которого ругают за дело, – помня о том, что давно перестал быть хозяином своей жизни, о том, сколько раз я обещал бывшей жене, дочке (хотя она об этом и не знала) и даже своему адвокату, что отныне все будет иначе, а потом, как последний идиот, вновь

и вновь попадал в ту же ловушку. Мне было двадцать семь лет. Дональд, мой наставник в группе анонимных алкоголиков, утверждал, что я вовремя взялся за ум: сам он дурил до тридцати семи. Меня такая перспектива совсем не вдохновляла.

Я попытался подняться на ноги, и мозг тотчас же пронзило раскаленной спицей. Я чуть не упал, но все же сумел встать на четвереньки, изобразив жалкое подобие ящерицы. Руки и ноги дрожали. С легким похмельем вполне можно уживаться, с умеренным люди кое-как справляются, а вот против мощного пока ничего не придумали. И я – пора было это признать – в очередной раз столкнулся именно с ним.

Я открыл глаза.

За окном стемнело; я каким-то невероятным образом перенесся в будущее, в котором уже наступила ночь. Возможно ли, чтобы из человеческой памяти выпало несколько часов? Такое случалось уже не раз, но сам феномен не переставал меня изумлять. Обычно в этот момент голос совести принимался за меня по второму кругу, переходя от язвительных упреков к печальной констатации моего жалкого состояния; на смену злости приходило смирение перед лицом прискорбного факта: все пропало. Однако на сей раз до оплакивания загубленной жизни дело не дошло: пока я пытался разглядеть бутылку, мое внимание привлек валяющийся на полу блестящий L-образный предмет, в котором я без особого труда узнал отцовский пистолет «Ругер-Р85».

Потом я краем глаза увидел тело. Все случилось где-то за полминуты, однако в моем сознании события разворачивались с чудовищной неспешностью. Я повернулся, уже понимая, что творится нечто скверное: девушка лежала на животе, укрытая белой простыней. Голова ее была слегка наклонена ко мне, широко распахнутые глаза смотрели в пустоту.

Я привык считать себя человеком неробкого десятка. Когда мне было одиннадцать, я нашел свою мать мертвой. К тому времени она уже долго угасала от страшной неизлечимой болезни. Отец задушил ее подушкой, а когда его привезли в полицейский участок, разнес себе череп из дробовика. Этого я, конечно, не видел, но вышло так, что, когда полицейские пришли сообщить дурную весть, я был дома один. И все же вид мертвой девушки – которую я со временем окрестил девушкой с ожерельем, хотя тогда никакого ожерелья у нее не было, – потряс меня до глубины души. В самом положении ее тела, в повернутой ко мне голове и невидящих глазах читалось недвусмысленное обвинение.

Преодолевая пульсирующую боль в висках, я поднялся на ноги и подошел к девушке. Мой взгляд скользил от тела к пистолету, от пистолета к телу. Стало страшно. В голове крутилась до жути очевидная мысль:

Что ты натворил?

Я готов был поклясться, что никогда раньше не видел эту девчонку, но что-то в ней казалось странно знакомым.

Не тратя времени на раздумья, я сдернул простыню, перевернул девушку на спину и проверил у нее пульс. Тело было еще теплым, но я каким-то образом догадался, что помочь тут уже нечем. Пару раз нажал на грудную клетку, подул в полураскрытые губы и снова надавил на грудь – сугубо для очистки совести. Наконец, с руками и лицом перепачканными в крови, я опустился на колени рядом с телом, чтобы рассмотреть его повнимательнее. Покойница оказалась на редкость хороша собой – безупречная красотка; на вид не старше двадцати. Одета она была в белую майку, голубые шорты с белыми сердечками и кеды DC. Пуля вошла ей в спину и пробила сердце.

Из-под тела вытекала струйка крови, угрожая добраться до валяющейся рядом скомканной простыни. Пришлось отбросить ее подальше.

Тут я совсем потерял голову. До сих пор все мои действия были продиктованы здравым смыслом; я пытался спасти незнакомку. А что же теперь? У меня тряслись руки. Я обвел гостиную взглядом – чувство было такое, будто за мной наблюдают. Посмотрел на бутылку, на свои дрожащие ладони, потом уставился на пистолет. Прошелся по комнате, бормоча под нос ругательства. Надо звонить в полицию.

– Живо давай к телефону, Джонни! – приказал я себе и

резко развернулся.

Проходя мимо трупа, я не решился снова накрыть его простыней. Добравшись до кухни, открыл воду и стал яростно оттирать под краном лицо и руки.

– Твою же мать!

Я умывался, пока убегающая в отверстие слива вода не сделалась кристально чистой. Стащил окровавленную рубашку и бросил в корзину для белья. Порылся в стиральной машине, нашел чистую майку и надел ее.

Полиция спросит, почему ты переоделся.

– Потому что не выношу гребаной крови! – рявкнул я в пустоту.

Как бы ни занимала мои мысли мертвая девушка, я все же ухитрился вспомнить о водке. Она здорово усложняла дело.

Я поднял бутылку за горлышко, борясь с желанием завопить что есть мочи и запустить ею в стену. Куда девать эту дрянь?

Как это куда? Ты вообще-то находишься посреди леса.

Мозг вошел в режим автопилота. Я вышел на задний двор. За моим участком начинался густой лес, растянувшийся на весь Северный Нью-Гемпшир. Я бросился в чащу, размахивая бутылкой как полоумный. Дважды споткнулся и еле удержался на ногах; на третий раз удача мне изменила: я зацепился за еловый корень, упал и рассек нижнюю губу.

Молодец! Теперь придется объяснять копам еще и это.

Я был в пятидесяти метрах от дома, на тропе, которую ис-

ходил вдоль и поперек еще в детстве. Тут раздался грохот. Я все еще лежал на земле, дрожа от холода и чувствуя на губах металлический вкус крови. Что это – выстрел? Едва ли, но вокруг меня в любом случае творилось что-то непонятное. Там, откуда пришел звук, был холм, который мы с братом много лет назад окрестили Гребнем Ящера.

Удивительное дело: я не верил, что мог застрелить девушку, и в то же время совершенно не боялся, что где-то поблизости, возможно, бродит настоящий убийца. Такой вот парадокс.

Куда важнее было избавиться от бутылки и разобраться со всем этим бардаком.

Оставшиеся пятьсот метров до озера Юнион-Лейк я преодолел легкой трусцой. С обрыва черная масса воды казалась огромным глазом с отражением луны вместо зрачка. На холме на противоположном берегу виднелась меж деревьями заброшенная водоочистная станция.

Я с размаху швырнул бутылку с берега, словно вместе с ней мог избавиться от всех бед разом. Озеро проглотило ее с громким «плюх!», и его поверхность снова стала безупречно гладкой. Совы этой ночью ухали как-то особенно громко.

Я понятия не имел, что делать дальше. Губа начала саднить. Определенно пора было возвращаться. Бедной девушке дважды не повезло: мало того что ее застрелили, так еще и бросили посреди гостинной жалкого неудачника, озабоченного только тем, чтобы скрыть свое пьянство.

Уже поворачиваясь к озеру спиной, я заметил, как среди деревьев на том берегу мелькнуло что-то белое: лицо. Ветки дрогнули, и я смог разглядеть размытую в ночном мраке фигуру.

Свернув с тропы, я пошел к дому напрямик, мимо Гребня Ящера. Я решительно не понимал, что творится вокруг, но твердо знал одно: надо как можно скорее добраться до дома и вызвать полицию.

По Гребню Ящера шла невысокая каменная изгородь – на ней было ужасно удобно сидеть. В щели между валунами я заметил какой-то предмет и, подойдя поближе, понял, что это смятый окурок. Может, он того и не стоил, но я остановился, чтобы разглядеть получше, и даже полез в карман за телефоном, чтобы зажечь фонарик и поискать другие улики, но проклятый мобильник остался дома. В тусклом свете луны я попробовал поискать еще окурки, но ничего не нашел. Однако сомневаться не приходилось: кто-то здесь был.

К северо-западу от холма проходила старая грунтовая дорога, заброшенная много лет назад. Если кто-то приехал сюда на машине, он должен был воспользоваться именно ею, подумал я. И побежал вниз с холма. Лес на склоне был таким густым, что я едва различал, куда направляюсь, но мне это не мешало. Я превосходно знал здешние места и не заблудился бы даже с завязанными глазами.

Даже не успел выйти на дорогу, а меня уже ждало новое открытие. В листве проступали очертания чего-то крупного, темного и неподвижного – то ли фургона, то ли небольшого трейлера. Почуввав опасность, я стал продвигаться вперед очень медленно, осторожно раздвигая ветви и стараясь не шуметь, а спустившись с холма, спрятался за деревом.

На обочине стоял минивэн «фольксваген», из тех, что вы-

пускали в девяностых. Проржавевшее, покрытое грязью серое корыто, на вид давно заброшенное. Как ни странно, у него был номерной знак. Я несколько раз повторил про себя семь цифр, чтобы запомнить наизусть.

Я хотел подойти к машине, но остановился на полпути, в зарослях кустарника. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия, совсем как полчаса назад, перед тем как я увидел труп. Что я творю? Мертвая девчонка возникла перед глазами, словно кадр из фильма ужасов. А что, если «фольксваген» принадлежит убийце? Давно надо было позвонить в полицию, но меня угоразило забыть телефон.

Да не хочешь ты звонить ни в какую полицию, и сам прекрасно это понимаешь.

С того места, где я стоял, было видно только заднюю часть фургона с черными, будто глаза кальмара, окнами. Я осторожно обошел развалюху кругом. Кабина оказалась пуста. Я заглянул в окно со стороны пассажирского кресла и обнаружил на подносе между сиденьями два картонных стакана. Кажется, на одном из них остался след от губной помады, но замызганные стекла не давали ничего толком разглядеть.

Я вернулся к задней части фургона. Эта колымага сама по себе была очень подозрительной, а окурок и стаканы явно свидетельствовали о том, что двое неизвестных лиц зачем-то решили сделать привал поблизости от моего дома. И если одно из этих лиц лежит бездыханное в моей гостиной, где же в таком случае второе? Я, насколько смог, оттер стекло

от грязи и попытался рассмотреть, что творится в салоне, но без особого успеха. В нерешительности я застыл у скользящей двери фургона. Если внутри кто-то притаился, я в одном шаге от того, чтобы совершить самую большую глупость в своей жизни.

Я с силой потянул за ручку, готовый к тому, что дверь не поддастся, но она открылась с неожиданной легкостью – я чуть не потянул плечо. Инстинктивно сжав зубы, я заглянул в недра фургона. В салоне было темно (и из темноты никто на меня не бросился – уже хорошо), однако, когда глаза привыкли, я заметил множество странных огоньков. Фургон был переделан под грузовой, так что в нем не было ни одного сиденья. В центре стоял складной столик, похожий на пляжный, а на нем – компьютер.

Я залез внутрь. Монитор не горел. Рядом лежали прямоугольные очки и беспроводная мышь. Я потрогал ее кончиком пальца, и компьютер ожил.

На экране появилась моя гостиная.

Я отшатнулся, как будто меня ударили в солнечное сплетение. Правая нога повисла в пустоте. Чтобы не упасть, пришлось схватиться за дверь.

Камера видеонаблюдения была направлена на мои кресла. Будь картинка крупнее, я увидел бы мертвую девушку.

Я смотрел на экран и не мог поверить своим глазам.

Не знаю, сколько времени я провел в том фургоне не в силах соединить кусочки пазла безумной ночи, но картинка

внезапно пропала, и на экране появилась надпись «нет сигнала».

Я выпрыгнул из фургона, оставив дверь открытой. Помчался прочь, не чуя ног, с бешено колотящимся сердцем, и за пять минут добрался до своего участка. Уходя, я не выключил свет и не запер входную дверь. Я вбежал в дом, не думая об опасности; теперь я больше злился, чем боялся. Вот бы только найти проклятую камеру.

Я замер на пороге гостиной. Труп исчез.

Пистолет тоже.

Я стоял в дверях, пытаюсь отдышаться. На полу валялись лишь осколки абажура. По моим расчетам, камеру спрятали на стеллажах возле двери. Я бросился к полкам, лихорадочно обшарил их и почти не удивился, не обнаружив ничего, кроме пыли.

Тогда я проверил заставленную безделушками глубокую нишу, в которой обычно прятал «ругер». Достаточно далеко, чтобы дочка не добралась, и достаточно близко, чтобы быстро достать, если понадобится. Рука тут же нащупала знакомые очертания – пистолет был на месте.

Он же лежал на полу.

Я проверил магазин, убедился, что оружие заряжено, и вернул его на место.

Еле передвигая ноги, будто преступник, идущий на эшафот, я приблизился к месту, где лежала убитая девушка. От нее не осталось ничего: ни брызг крови, ни перепачканной

простыни... Совершенно сбитый с толку, я опустился на колени и провел ладонью по полу. Она была тут, мои губы касались ее губ, моя рука давила ей на грудь...

Вдруг задребезжал домашний телефон.

На него мне почти никогда не звонили, да и час для разговоров был слишком поздний.

Я взял трубку с ощущением, что сейчас все только еще больше запутается.

– Джонни, у тебя там все хорошо?

Звонил мой старший брат. Марк неизменно шестым чувством просекал, если со мной что-то случилось; иногда мне казалось, что у него внутри радар, настроенный на мои неприятности.

Я пробормотал что-то утвердительное.

– А где твой мобильник?

– Мобильник... Не знаю, где-то посеял.

Даже за много километров Марк почувствовал, как я нервничаю:

– Что там у тебя творится? Я тебе кучу сообщений отправил, а ты не удосужился их посмотреть...

Посмотреть, хмыкнул я про себя. Да у меня почти целый день из памяти вылетел...

– Вообще-то, Марк, ты немного не вовремя. Мне нужно вызвать полицию.

Марк молчал, переваривая мои слова. Я слишком хорошо знал своего брата и догадывался, о чем он думает: доигрался

старина Джонни в свои алкогольные игры. И не мне было осуждать его за такие мысли.

– Это не то, что ты думаешь, Марк.

Я не мог устоять на месте и переминался с ноги на ногу, накручивая на палец телефонный провод.

– Что стряслось? – Марк больше не пытался скрыть тревогу.

Я сглотнул. Где взять слова, чтобы описать события последнего часа?

– Я нашел мертвую девушку, – выпалил я, вздрогнув от того, что произнес это вслух.

– В лесу?

– В гостинной.

Снова долгое молчание.

– Ты ее знал? – наконец осторожно спросил Марк.

Другой на его месте наорал бы на меня или забросал бессмысленными вопросами, но Марк был не из таких. Он умел сосредоточиваться на главном. В этом мы с ним были не похожи. И не только в этом.

– Первый раз вижу. Я задремал, проснулся, а она лежит.

Задремал и проспал до девяти вечера? Ну очень правдоподобно.

– Она точно мертва?

– Ну... Да, я проверил пульс. Я пытался ее спасти!

– Джонни, успокойся, ради бога. Что ты с ней делал?

– Марк, тело пропало! Его унесли!

Брат говорил со мной, как с маленьким ребенком или, того хуже, умалишенным.

– Кто унес, Джонни?

– Не знаю, Марк. Я вышел из дома, а когда вернулся, тела не было. Мне кажется, за мной следят.

Я представил, как Марк закатывает глаза. Что ж, я и сам понимал, что несу околесицу.

– Опиши девушку.

Марк даже сейчас оставался образцом здравомыслия: он пытался понять, насколько я съехал с катушек. И не ожидал, что я сразу отвечу на вопрос.

– Совсем молодая, блондинка, глаза голубые, худая...

– Джонни, послушай. Ничего не предпринимай, пока я не приеду.

Брат не впервые бросался ко мне на помощь. Так повелось с детских лет, и я привык на него рассчитывать, хотя в глубине души знал, что однажды это закончится.

– Марк, давай я сам разберусь. Может, убийцы бродят где-то рядом. Если я не позвоню в полицию...

– Братишка, постой. Я не говорю тебе, что делать. Я только прошу: успокойся и дождись меня.

И он добавил совсем тихо:

– Пожалуйста, Джонни.

Телефон завалился между диванными подушками. Я старался обдумывать каждый шаг: любая ошибка могла обойтись мне слишком дорого. Первым делом достал «ругер», проверил затвор и сунул оружие в карман.

Потом надежно запер входную дверь и отправился на Гребень Ящера.

Я шел той же дорогой, пытаюсь вспомнить номер фургона. В голове сохранились лишь первые три цифры – 305, остальные выветрились бесследно. Я никогда не мог похвастаться хорошей памятью на числа; зрительное восприятие у меня развито не в пример лучше, так что я постарался представить фургон на заброшенной дороге. Образ возник перед глазами, будто картинка на экране телевизора, и тут же растаял, как сон, который забывается после пробуждения. Должен сказать, это было мерзкое ощущение.

Никакого фургона на заброшенной дороге не было.

Я попытался сосредоточиться на деталях: два стакана на подносе – один со следом помады, – дверь, которая так неожиданно легко открылась... Пощупал плечо – и ничего не почувствовал.

На подходе к дому меня ослепили фары. Я схватился за пистолет, но вовремя узнал «мерседес» Марка. Брат вышел из машины, и мы оказались лицом к лицу. Я каким-то мистическим образом догадывался, что он обо мне думает, и не мог его за это винить.

Подойдя, Марк осторожно взял у меня из рук пистолет.

– Пойдем в дом, – позвал он, приобняв меня за плечи.

Марк был старше на пять лет и всегда меня опекал, особенно после смерти родителей. Я любил его всем сердцем, и, сказать по правде, не будь у него ужасной привычки вмешиваться в мою жизнь, не знаю, что бы со мной стало. Пока брат занимался в университете, открывал фармацевтическую лабораторию «Медитек» и строил семейное гнездышко с Дарлой, я успел бросить учебу и завести роковой роман с алкоголем, продлившийся более семи лет. И хотя я держался без выпивки уже одиннадцать месяцев, прекрасно понимал, что ремиссия может прерваться в любой момент. Все это время Марк был рядом.

– Что у тебя с губой?

Я потрогал ее кончиком пальца. Справа губа немного распухла.

– Ерунда, споткнулся, зацепился за ветку.

Марк кивнул. Его снисходительный взгляд был мне хо-

рошо знаком – этот взгляд нередко доводил меня до белого каления. Брат бережно положил «ругер» на стол. Разбитый торшер он, конечно, заметил, но ничего не сказал.

– Давай-ка успокоимся, Джонни. Нам надо поговорить.

Только тут я заметил, что Марк одет по-домашнему, в толстовку и потертые джинсы. Ну конечно, тихим субботним вечером они с Дарлой сидели перед своим шестидесятидюймовым телевизором и смотрели какую-нибудь ерунду по «Нетфликсу». И вот пожалуйста: изволь все бросить и мчаться спасать Джонни.

– Не могу я успокоиться, Марк! – Я нервно расхаживал из угла в угол. – Тут какая-то хрень творится! Я правда видел труп! Прямо здесь!

Брат нахмурился.

– Ты должен мне поверить, Марк!

– Разумеется, я тебе верю, Джонни. Только давай ты сейчас спокойно мне расскажешь, что здесь случилось этим вечером.

Я закрыл глаза. Положа руку на сердце, я не знал, с чего начать. И угораздило же меня забыть номер чертова фургона!

И тут Марк задал вопрос, который я ждал с самого начала:

– Ты пил, Джонни?

Я устало опустил на подлокотник кресла.

– Помню, как рисовал у себя в кабинете. Было часов пять-шесть вечера. Потом, наверное, заснул. И проснулся вот

здесь, на полу, а на столике стояла бутылка из-под водки.

– Бутылка?...

– Я купил ее пару недель назад, – вдруг вспомнил я, – у нас с Лилой все пошло наперекосяк, вот я и купил... Не знаю, должно быть, хотел что-то себе доказать.

– Что было дальше?

– Я увидел девушку и пистолет и, естественно, испугался до чертиков. Решил, что напился и наделал херни. Но я не пил из той бутылки, Марк, клянусь. Я знаю, что такое похмелье, а это было совсем другое... Бутылку оставили, чтобы меня запутать.

Марк подвинул стул и уселся напротив меня.

– И кто, по-твоему, ее оставил?

– Я вышел из дома, чтобы избавиться от бутылки, – продолжал я, увильнув от ответа. – В голове был туман. Тогда-то я и поранил губу. У Гребня Ящера я слышал какие-то странные звуки. Еще там стоял жутко старый фургон. Вокруг никого не было, и я в него забрался. Внутри увидел аппаратуру для слежки.

Марк выдохнул – как мне показалось, с облегчением. И немудрено: столь безумная история никак не могла оказаться правдой.

Я вскочил на ноги и бросился к стеллажу.

– Камера была здесь, я видел на экране в фургоне. А когда вернулся, ее уже убрали, и труп тоже убрали.

По лицу Марка было невозможно понять, что он думает.

Брат молча прошел на кухню и вернулся со стаканом воды. Поставив его на стол, порылся в кармане и достал блистер с таблетками.

– Это еще что?

– Это поможет тебе успокоиться. – Марк положил таблетку рядом со стаканом.

– Не буду я ничего принимать! Ты же не поверил ни единому моему слову!

– Джонни, я на твоей стороне.

Я постарался собраться с мыслями.

– Марк, я знаю, знаю, мой рассказ кажется форменным безумием. Когда я вернулся на Гребень Ящера, фургона уже не было, но говорю тебе, раньше он там стоял, а камеру спрятали на этом стеллаже. За мной следили!

– Возьми таблетку, запей водой...

– Нет! – выкрикнул я. – Нужно позвонить в полицию. Или Харрисону, он нам поможет.

Харрисон, большой друг отца, много лет был в нашем городе шерифом.

Марк яростно замотал головой:

– И что мы им скажем-то?! Ты какой-то бред несешь!

Брат редко выходил из себя. Эта вспышка меня обескуражила.

– Думаешь, я сам не понимаю, что бред?

– Джонни. – Марк примирительно поднял руки. – Я не хотел тебя обидеть, прости. Но ты сам подумай: нам придется

сказать копам, что ты выпал из жизни на несколько часов, а когда очнулся, обнаружил труп, который потом исчез. Кстати, ты уверен, что девушка была мертва?

– Уверен, черт побери!

Тут меня словно молнией ударило. Провожаемый изумленным взглядом брата, я бросился на кухню.

В углу стояла корзина для белья. Я подошел к ней с опаской: если внутри не окажется окровавленной майки...

Марк следил за мной с порога. Я посмотрел на него, перед тем как открыть корзину, и что-то в лице брата меня встревожило.

Я рухнул на колени, обхватил руками проклятую корзину и впервые за много лет разрыдался.

Марк дал мне выплакаться. Вместе со слезами меня постепенно оставляли гнев и чувство вины.

– Майку тоже забрали, – пробормотал я, совершенно обессиленный, и сполз по стене, отпихнув корзину ногой.

Когда мы вернулись в гостиную, я сел на диван, а Марк устроился в кресле. Нас разделял журнальный столик, на котором остался влажный след от донышка бутылки.

– Джонни, давай попробуем еще раз. Расскажи мне все, что помнишь, начиная со вчерашнего вечера. Только постарайся ничего не упустить.

– Со вчерашнего вечера?

– Это не займет много времени.

Мне пришлось покориться.

– Вчера вечером я был у Лилы. Мы немного побыли там, а потом отправились поужинать в «Мацуки». Потом приехали ко мне и провели здесь ночь.

Мы с Лилой познакомились несколько месяцев назад. Она была в разводе, как и я, и растила полуторогодовалого сына Донни. Моя Дженни была постарше, но это не давало мне оснований считать себя специалистом в вопросах воспитания. Больше ничего общего у нас с Лилой не было.

– Я решил с ней расстаться, – признался я.

– Что же тебе помешало?

– То же, что и всегда. За ужином она говорила о Донни, о проблемах с бывшим, с матерью, а мне не хотелось быть сукиным сыном, который бросает человека в таких расстроенных чувствах. И я поклялся себе: завтра утром... В резуль-

тате все вышло еще хуже, потому что она осталась у меня ночевать, и мне пришлось везти ее на работу. По дороге мы молчали, и это было страшно неловко. Но при чем тут мои дела с Лилой?

– При том, – ответил Марк. – Ты должен собраться с мыслями.

– Лила как будто не очень расстроилась; еще спросила, уверен ли я. Я сказал, что уверен. Думаю, в глубине души она была готова к разрыву.

– Что ты делал, когда вернулся?

– Целый день просидел в кабинете, рисовал.

Тут я немного покривил душой. Я действительно сидел в студии и пытался сотворить что-нибудь для проекта, который мне посчастливилось заполучить, но выходило не очень. Дело ограничилось парой набросков, бесславно сгинувших в корзине для мусора. Я немного поиграл в покер на компьютере, немного посидел в интернете и кое-как скоротал остатки впустую потерянного утра. Все это время мои мысли витали вокруг спрятанной в погребе бутылки, но об этом Марку знать было не обязательно.

– Я что-то наспех пожевал и поехал в лавку Донована. На это потратил около трех часов, потом еще час работал. А дальше память будто стерли. Я, видимо, заснул, а когда проснулся, здесь была мертвая девчонка. Клянусь, Марк, мне что-то подмешали.

Брат смотрел на меня с недоверием.

– Не гляди так, я не вру!

Забавно получалось. Я всю жизнь врал, как последняя скотина, и страшно возмущался, когда мне отказывались верить.

– Спокойно, Джонни, я тебя не обвиняю. Я нарочно задаю неудобные вопросы. Что там с папиным пистолетом?

– Когда я проснулся, он был на полу. Потом... – У меня пылали щеки. – Когда я вернулся, пистолет положили на место.

Марк глядел на меня с жалостью, как отец, которому не хочется разрушать фантазии маленького сына.

Я опустил глаза:

– Что же здесь случилось?

– Я могу сказать, чего здесь не случилось. Ты совершенно точно никого не убивал. Посмотри на меня.

Я поднял голову и встретил пристальный взгляд брата.

– Ты меня понял?

Я кивнул.

– Наше сознание порой выкидывает номера, а у тебя был непростой день.

Я хотел было возразить, но передумал.

– Я не специалист, но, думаю, ты пережил онирическую галлюцинацию.

Я поморщился:

– Это был не сон.

– Разумеется, нет. Онирические явления происходят, ко-

гда человек бодрствует, но его сознание оказывается на границе между сном и явью. Труп и фургон тебе померещились, но все остальное было реальностью. В Линдон-Хилле есть специалисты, которые могли бы...

Я горько рассмеялся:

– Да брось, Марк... Если труп и фургон померещились, по мне плачет «Джунипер-Хилл»¹.

– Все не так плохо... В конце концов, это был единичный приступ. Если он повторится, подумаем, что делать. А пока лучше обо всем забыть.

– Легко сказать...

– Обещай, что позвонишь, если еще что-нибудь случится.

– Обещаю.

Марк кивнул, но внезапно его лицо изменилось. Казалось, он хочет что-то сказать, но колеблется.

– Что с тобой?

– Вообще-то я собирался с тобой поговорить. Наверное, стоило подождать, пока все устроится, но теперь...

У Марка с Дарлой не было детей, и я тут же подумал, что он про...

– Я не про это, – опередил меня Марк. – Я про «Медитек».

Брат не любил обсуждать работу, по крайней мере со мной, так что этот разговор он наверняка завел, чтобы меня отвлечь.

¹ «Джунипер-Хилл» – вымышленная психиатрическая больница из романов Стивена Кинга. – *Прим. пер.*

– Мы собираемся продавать лабораторию.

Я не поверил своим ушам.

Услышать, что Марк решил продать «Медитек», было так же немыслимо, как обнаружить в собственной гостиной труп. Первой мыслью было – у брата нашли какое-то смертельное заболевание. Я не знал, что еще могло бы заставить его расстаться с лабораторией. Марк основал «Медитек» вместе со своим другом Йэном Мартинсом, и с тех пор как они продали первый патент, дела неуклонно шли в гору. Марк был помешан на своей работе. Да, это самое верное слово: *помешан*.

– Вообще-то мы с Йэном уже давно приняли решение.

Моему изумлению не было предела. Марк с Дарлой привыкли жить на широкую ногу, ездили на дорогих машинах и купили большой дом, но деньги никогда не были для моего брата главным.

– Не скрою, ты меня удивил. Но ты в любом случае можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо, Джонни. У нас с Йэном небольшие разногласия насчет покупателей, но я уверен, скоро все образуется.

Я не мог представить Марка без «Медитека». Скорее всего, он создаст новую компанию и за несколько лет превратит ее в успешное предприятие.

Я проводил брата до дверей. Марк обнял меня и заставил пообещать, что я сразу же позвоню, если «единичный приступ» повторится. Я пообещал, хотя не сомневался: никакой

это был не приступ. Все, что я видел в тот вечер, было таким же реальным, как тачка за семьдесят пять тысяч долларов, которая теперь вырулиwała на дорогу.

Труп, пустая бутылка, пистолет — кто-то разыграл спектакль, чтобы обвинить меня в убийстве. И режиссерами были владельцы старого фургона.

Брат помахал из окна машины, в ответ я заставил себя улыбнуться.

Кто-то разыграл спектакль, но что-то пошло не так.

Я провожал глазами «мерседес» Марка.

Кем была мертвая девушка? Кому понадобилось свалить на меня ее убийство?

Автомобиль исчез за деревьями, а я все стоял на пороге. Мне не давал покоя один вопрос.

Почему брат позвонил именно тогда, когда я нашел фургон?

В ту ночь в мой сон, как червь, прополз невнятный, темный кошмар. Пробравшись сквозь череду жутких, бессвязных образов, я оказался на лесной тропинке. Яркий луч фонаря вел меня за собой, а сзади подгоняло чье-то дыхание. Охваченный страхом, я шел через лес, пока не проснулся в холодном поту.

После пробуждения я долго сидел в постели. При свете дня вчерашние события казались совершенно невероятными.

Я спустился на первый этаж, как был в трусах и старой майке, и еще раз осмотрел гостиную. Перед сном я убрал осколки абажура, и теперь в комнате царил идеальный порядок.

Я хотел вернуться в спальню и принять душ, но вспомнил нечто важное и спустился в подвал. Мой отец устроил там маленький винный погреб, которым страшно гордился, хотя на самом деле это был даже не погреб, а узкое помещение с рядами полок вдоль стен. В годы моего детства они были уставлены бутылками, которые отец берег для дружеских посиделок, проходивших тут же, в подвале. Здесь играли в покер, курили и беседовали о старых временах. То был тесный круг друзей, знавших друг друга с пеленок. Кто-то из взрослых назвал эти сборища Бильдербергским клубом, или

попросту Б-клубом. Мы, дети, немедленно подхватили это словечко.

Когда мама заболела, заседания клуба постепенно прекратились. Бутылок в погребе почти не осталось, и никто не думал пополнять их запас. Деньги уходили на лекарства и сиделок, а поскольку отец не мог работать, как раньше, дела наши были хуже некуда. Иногда я спускался в погреб вместе с папой. Прежде он придирчиво выбирал вино, приберегая лучшие экземпляры для специальных okazji – каждому свой черед, – теперь же все чаще не глядя брал с полки первую попавшуюся бутылку. Мой отец не был алкоголиком, но в те горькие дни он пытался утопить в вине свое отчаяние.

Ныне погреб был пуст и заброшен, как и весь погруженный в тоску и упадок дом, покинуть который у меня не доставало духа. Марку хватило ума и сил, чтобы оставить прошлое позади, а я, жалкий идиот, позволил затянуть себя в черную воронку неудач, которая, похоже, скрывалась под фундаментом злополучного здания.

А теперь еще труп в гостиной. Пора валить отсюда к хренам. Чего еще ты ждешь? Чтобы камни с неба посыпались?

В дальней части погреба был небольшой ящик, в котором отец когда-то хранил особые бутылки для особых случаев. Я открыл его – и долго смотрел на пустую полку. Водки, которую я купил после тяжелого разговора с Лилой, не было.

Идея купить спиртное, чтобы доказать, что спиртное мне

не нужно, была невероятно глупой, однако не самой сумасбродной из тех, что приходили мне в голову. Любой алкоголик способен за секунду придумать десяток оправданий своей слабости и искренне поверить в каждое из них.

Следующие полчаса я осматривал дом. Особое внимание уделил спальне и гостиной. Искал скрытые камеры, микрофоны, любые свидетельства присутствия посторонних. В конце концов пришлось признать свое поражение. Усталый и пристыженный, я решил последовать совету Марка и поскорее забыть о вчерашнем нелепом происшествии. Теперь онирическая галлюцинация казалась самым разумным объяснением.

Я отправился в кабинет с твердым намерением хоть немного поработать. В последние недели никак не удавалось сотворить что-то путное. Вдохновение покинуло меня, и надежды на то, что оно вернется именно сейчас, было мало, но я решил не сдаваться. Компьютер включать не стал, чтобы не отвлекаться.

У окна висел рисунок, изображавший пчелку Люси, героиню детской сказки, которую я придумал три года назад и благодаря которой снискал определенное признание среди художников-иллюстраторов. Трудолюбивая пчела учила маленьких читателей ценить время, чередовать работу с развлечениями и все успевать. Про нее вышло больше десяти книжек: как наводить порядок в комнате, как важно соблюдать режим дня, как справляться с домашним заданием и все

в таком роде. Если честно, эта Люси была редкой занудой. Сам я возненавидел ее чуть ли не с первого дня; но книги хорошо продавались, и мой агент требовал продолжения. Похоже, родители были рады спихнуть воспитание отпрысков на пчелу.

Однако несколько месяцев назад люсимания пошла на убыль. Ребята из издательства собирались расторгнуть контракт, и моему агенту чудом удалось отстоять наши интересы. «Этот колодец пересох, Джонни, – сказал мне Фил. – Пора придумать что-то новое». Его слова изрядно меня повеселили.

Я попытал счастья с дикобразом и муравьем, но получалась все та же пчела в другом обличье.

Я взял лист бумаги и несколькими штрихами набросал Люси. Полюбовавшись на нее, достал акварель и кисти и принялся за работу. Возможно, секрет не в том, чтобы найти нового зверя, говорил я себе, намечая мягким карандашом силуэт. Возможно, Люси нужен приятель. И как я раньше до этого не додумался?

Я проработал полчаса без перерыва. Рядом с Люси на бумаге появилась белокурая девочка в голубом платье, с ожерельем на шее. У нее были удивительные синие глазища, и внезапно я понял, кто она.

Звонок в дверь застал меня врасплох. После всего, что случилось, я не ждал добра от незваных гостей воскресным утром.

Тут я увидел в окно приметный красный джип Харрисона, бывшего шерифа Карнивал-Фолс. Один из ближайших друзей отца, он приезжал навестить меня где-то раз в месяц. В появлении Харрисона не было ничего удивительного, но мне теперь во всем мерещилась тайная связь с событиями вчерашнего дня.

Я открыл дверь.

– Ты завтракал, Джонни?

Харрисон был выдающейся личностью. Уволившись из полиции и разменяв седьмой десяток, он по-прежнему походил на супермена. В детстве я удивлялся, отчего такой славный человек внушает всем трепет. И лишь со временем понял, что дело не в полицейской форме. Харрисон был из тех, за кем люди инстинктивно следуют в критических ситуациях, – прирожденным лидером, воплощением спокойствия, твердости и здравого смысла. Наш Карнивал-Фолс при своих скромных размерах отличался рекордной статистикой разного рода прискорбных инцидентов, и за годы своей службы в полиции Харрисон сделал многое, чтобы исправить ситуацию. А мне он в известной степени заменил отца.

– Лорен испекла печенье. – Харрисон протянул мне картонную коробку. В другой руке у него была бутылка лимонада.

Обычно Харрисон приезжал к вечеру; мы часами просиживали на веранде и болтали обо всем на свете, неизменно попивая лимонад. Харрисон знал о моих проблемах с выпивкой и всегда поддерживал, помогал справляться. Я понимал, что отставной шериф навещает меня не просто так, что он присматривает за мной, – но не обижался.

– Нет, еще не завтракал.

– Значит, печенье будет кстати. – Харрисон хлопнул меня по плечу. Войдя в дом, он внимательно огляделся по сторонам. Это показалось мне подозрительным – или я превращался в параноика?

Осмотрев гостиную, Харрисон повернулся к распахнутой входной двери.

– Ты еще кого-то ждешь?

– Я думал, мы сядем на веранде, – отозвался я.

– Давай лучше тут побудем.

Харрисон стоял ровно на том месте, где накануне лежала мертвая девушка. Я почувствовал себя не в своей тарелке и поспешил сесть за стол.

Пятнадцать лет назад в этой самой гостиной шериф сообщил мне новость, которая перевернула мою жизнь. Я помнил тот день, словно он был вчера. Когда Харрисон пришел, я сидел за столом и рисовал кролика. Накануне тетя Одри

подарила мне классные карандаши.

– Сколько здесь воспоминаний, – проговорил мой гость, скользя взглядом по стенам. Харрисон был человеком действия и не имел обыкновения предаваться ностальгии. Сегодня он вел себя очень странно.

Я устроился на стуле, отхлебнул глоток лимонада, и только тут осознал, как зверски хочу пить. Харрисон остался стоять.

– А не позволишь ли... – он не закончил. Я и так знал, о чем речь.

– Конечно.

Харрисон подошел к старому музыкальному центру, подлинной реликвии, которая принадлежала еще отцу и в свое время стоила целое состояние, и не глядя вытащил виниловую пластинку. В доставшейся мне по наследству коллекции отставной шериф ориентировался лучше меня. Они с отцом любили британский рок и меня им заразили, еще в детстве.

The Who затащили «905». Музыкальный центр был форменным динозавром, но колонки работали как новенькие. Харрисон смотрел в окно, покачивая головой в такт ритму. Иногда мне казалось, что он приходит ко мне в гости лишь для того, чтобы послушать музыку. С первыми ее звуками старик будто переносился за много миль и лет от моей гостиной.

Вернувшись к столу, Харрисон на мгновение задержался на мне взглядом. Я доверял ему почти как родному отцу, но

порой не мог понять, что у него на уме. Возможно, отставной шериф думал о своем или все еще был заморожен музыкой. Играть со мной втемную он точно не стал бы, хотя...

– Как работа?

– Появилась пара интересных идей, – сказал я, думая про девочку в голубом платье, которая осталась на столе в кабине.

– Рад за тебя! Выходит, с Люси распрощался? – улыбнулся Харрисон. Он знал о моих непростых отношениях с пчелой.

– Пока не знаю...

– Ладно, бери печенье. Еще теплое.

Аппетита у меня не было, но, попробовав стряпню миссис Харрисон, было невозможно остановиться, пока не съешь все до крошки.

– Передай Лорен мою глубочайшую благодарность, – попросил я, откусив печенье.

– Она соскучилась по тебе, Джонни. Приходи как-нибудь на ужин.

– Обязательно приду.

Харрисон отвел глаза, всего на миг, но я успел заметить.

– Что-нибудь случилось?

Он посмотрел на меня и неохотно кивнул:

– На самом деле да. Я приехал по просьбе Дина Тимберта.

Услышав имя нового шерифа, я чуть не опрокинул на себя стакан с лимонадом. Пришлось поставить его на стол.

– Зачем?

– Сам не очень понимаю. Дин тот еще перестраховщик, но я его за это не виню. Я, собственно, потому и настоял, чтобы именно он занял мое кресло. Пожалуй, этому городу не повредит подозрительный шериф.

– Так что случилось-то? Кто-то потерялся в лесу?

Харрисон покачал головой:

– Заявлений о пропаже не было. Но вчера в полицию кто-то позвонил и сообщил, что видел в зарослях очень странного человека.

На секунду я замер, не зная, что сказать. Песня кончилась, и в гостиной повисло тяжелое молчание. Когда раздалась первые аккорды «*Sister Disco*», я понял, что вот-вот выдам себя.

– Где конкретно это было?

– Неподалеку от Юнион-Лейк. Это все, что известно. Ты вчера вечером ничего такого не слышал и не видел?

– Нет. Ничего.

– Я, когда работал, получал уйму ложных вызовов, но Дин не хочет ничего пускать на самотек, и я его понимаю. Он попросил меня съездить сюда, посмотреть, что творится, и поговорить с местными. Я сразу согласился. Подумал, что это отличный повод навестить тебя.

Харрисон подмигнул мне. Я вымученно улыбнулся в ответ и отсалютовал стаканом лимонада.

Харрисон говорил что-то еще, но я отвечал невпопад, размышляя о таинственной фигуре, мелькнувшей на бере-

гу озера. Больше я отставного шерифа о странном звонке не спрашивал.

Потом мы припомнили одну жуткую старую историю, исчезновение Бенджамена Грина. Харрисон признался, что новость о смерти его убийцы не принесла ему ни капли радости, только выбила из колеи, заставив вспомнить катастрофу четырнадцатилетней давности. Ублюдок мирно скончался во дворе психиатрической лечебницы, в которую его поместили, признав невменяемым. Санитары думали, что он заснул. Страшная несправедливость.

Мы немного поговорили о неправильном устройстве мира – в этой теме я уж точно разбирался лучше других, – а перед тем как уйти, Харрисон, между прочим, сообщил, что в город вернулась Мэгги Берк. С Мэгги мы дружили с детства, а когда выросли, стали встречаться. Она была дочерью Боба Берка, еще одного члена Б-клуба.

Мэгги.

– Боб вчера звонил, – сказал Харрисон. – Он на седьмом небе от счастья. Как я понял, Мэгги пробудет здесь около месяца. Надо бы вам встретиться, Джонни.

Я посчитал в уме. Мы с Мэгги не виделись пять лет.

Мой друг Росс вроде бы слышал, что она собирается бросить Лондон и насовсем вернуться в родные края. Конечно, это были только слухи, но я решил порвать с Лилой не в последнюю очередь из-за них.

Проводив Харрисона, я бродил по дому, как лунатик. Одной рукой ерошил волосы, другой набирал номер Марка, снова и снова слушая автоответчик. Я оставил брату три сообщения, и в каждом просил срочно перезвонить. Мне нужно было рассказать ему о визите отставного шерифа и о незнакомце на Юнион-Лейк.

Отправив последнее сообщение, я обнаружил, что стою на заднем дворе у калитки, ведущей в лес, и понятия не имею, как тут оказался.

Внезапно перед глазами замелькали обрывки недавнего кошмара: кривая тропинка, темный силуэт за спиной, ветки царапают лицо. По спине пробежал холодок: образы из вчерашнего сна продолжали преследовать меня наяву.

Я снова набрал номер Марка, и он наконец взял трубку:
– Надеюсь, дело и правда срочное, Джон.

Джон. Не Джонни.

– Очень срочное. Спасибо, что ответил.

– Я играю в гольф с потенциальным покупателем, – сообщил Марк, понизив голос. – Говори быстрее, что там у тебя.

– Харрисон приезжал, – выпалил я. – Вчера кто-то сообщил в полицию о подозрительном человеке на Юнион-Лейк.

Повисла пауза.

– Ты ведь был вчера на озере?

– Это не меня видели, Марк...

– Откуда ты знаешь?

Я ниоткуда это не знал, и затянувшееся молчание выдавало меня с головой. Марк имел полное право разозлиться.

– Мне пора, Джонни. Поговорим позже.

Я хотел рассказать про сон, который был не совсем сном, но не стал. Какой смысл?

Марк положил трубку, прежде чем я успел сказать что-то еще.

Я устроился на веранде на качелях – здесь было мое самое любимое место во всем доме – и принялся медленно рассказывать в такт своим мыслям. Как доказать, что вчерашние события произошли на самом деле? Я решил было отправиться в участок посмотреть фотографии пропавших людей, но тут же отменил эту идею. Шериф Тимберт был не дурак, и, явись я к нему сразу после Харрисона, он непременно что-нибудь заподозрил бы.

Поломав голову где-то полчаса, я вспомнил о фургоне, который видел на заброшенной дороге, и в голове тотчас же родился гениальный план. Я отыскал в телефоне номер Фреда Фостера. В последний раз мы разговаривали два, а то и три года назад, но я все равно мог ему довериться. Фред был старше меня на пару лет, и в детстве мы крепко дружили. Его отец тоже состоял в Бильдербергском клубе.

Фостер управлял автомастерской «У Бреннера», которая раньше принадлежала нашей семье. Когда мама заболела, от-

цу пришлось продать свой бизнес, чтобы заплатить за лечение; Билл, отец Фреда, купил мастерскую и оставил все как было при прежнем владельце. Так он сумел поддержать гордого человека, не привыкшего принимать помощь даже от близких друзей.

Мастерская стояла на Парадайз-Роуд, единственной асфальтированной дороге, по которой можно было добраться до моего дома. Конечно, были и объездные пути, но тот, кто ехал ко мне в первый раз, едва ли стал бы делать большой крюк. Несколько лет назад на здании установили камеры видеонаблюдения, и я решил попросить у Фреда вчерашние записи. Начал было плести какую-то чушь про то, что якобы подозреваю Лилу в неверности, но Фред оборвал меня на полуслове: «Для тебя все что угодно, Джонни». В результате я получил записи за целый день, а отвечать на неудобные вопросы не пришлось.

Вернувшись домой с заветной флешкой, я чувствовал себя гораздо спокойнее. Перспектива провести остаток дня, изучая видео, меня не пугала. Даже наоборот – куда лучше занять себя чем-то монотонно-убаюкивающим, чем мучиться вопросами, на которые нет ответов. Я посчитал, что уложусь в пять-шесть часов, включив ускоренный просмотр.

Если фургон проезжал по Парадайз-Роуд, его должна была запечатлеть одна из камер.

Я налил себе лимонада и устроился с ноутбуком на веранде. На флешке хранились двенадцать файлов, по одному на

каждый час.

Просмотр оказался делом куда более муторным, чем я рассчитывал. Объектив захватывал парковку и кусок дороги. Камера едва успевала фиксировать пролетавшие по ней автомобили. Я немного увеличил скорость, но тогда машины стали мелькать слишком быстро.

Мало-помалу я приноровился останавливать изображение, как только в кадре появлялся новый автомобиль. Просмотр первого файла отнял пятьдесят минут, со вторым я управился за сорок. На третьем меня ждало открытие. Остановив картинку, я увидел «шевроле» Лилы. Часы в углу экрана показывали, что моя теперь уже бывшая девушка проехала по направлению к моему дому в восемнадцать тридцать. Я отлично разглядел за лобовым стеклом знакомую кудрявую головку. Первой мыслью было позвонить Лиле, но вместо этого я снова запустил запись. Теперь я не только высматривал фургон, но и ждал момента, когда «шевроле» поедет обратно. Долго ждать не пришлось. Машина Лилы снова мелькнула перед камерой через полчаса. Учитывая время, потраченное на Парадайз-Роуд, у меня дома она пробыла совсем немного.

Достаточно, чтобы совершить убийство.

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Лиле было попросту некуда ехать по Парадайз-Роуд, кроме как ко мне.

А фургон на записях так и не появился.

Я все-таки позвонил Лиле. Она не ответила, но другого я и не ждал.

Познакомились мы около года назад, и роман получился довольно скоротечным. Лила работала в кафешке, в которую я одно время зачастил. Обычно я заходил туда по средам, когда Дженни отправлялась в гости к бабке и деду с материнской стороны и мне полагалось забирать ее ровно в три: если я опаздывал хотя бы на пять минут, моя бывшая теща поднимала скандал до небес. В час или два я являлся в кафе с альбомом для набросков, заказывал кофе и круассан и рисовал иллюстрации для книг, которым не суждено было увидеть свет.

Лила сидела за кассой. Первое время мы небрежно приветствовали друг друга и изредка переглядывались. Потом все вдруг завертелось очень быстро. Лила была на два года моложе меня. Она мне нравилась, и наше будущее представлялось прекрасным. Месяц спустя мы праздновали ее двадцать четвертый день рождения у меня дома.

Все началось с того, что она подошла к моему столику посмотреть рисунки. Позже Лила всерьез обвинила меня в том, что я соблазнил ее при помощи своих набросков. Отчасти она была права. В тот день стояла адская жара, и я устроился внутри, под защитой кондиционера. Лила подсела ко

мне, предупредив, что, если появится хозяйка, ей придется вернуться за кассу, хотя с учетом температуры воздуха этого можно не опасаться. Владелица заведения, объяснила Лила, из породы белых медведей и в такую погоду предпочитает отсиживаться дома. Чуть позже я имел случай познакомиться с великой и ужасной миссис Эванс и убедиться, что с медведем ее роднит не только любовь к прохладе.

Мы оба были молодыми родителями, которые пытались что-то строить на руинах семейного очага. Этого с лихвой хватило, чтобы разговориться и увидеть друг в друге родственную душу. Мы немного поболтали о моей работе, а потом Лила вдруг спросила, не хочу ли я как-нибудь выпить с ней пива. То ли дело было в ее непосредственности, то ли в том, что в глубине души мне ужасно хотелось пива... в общем, Лила угадала ответ по моему лицу. А причину его поняла лишь потом.

Первое свидание у нас было в «Устрице». Мой друг Росс резонно заметил, что такое шикарное место не годится для ужина с едва знакомой девушкой, но я его не послушал. Мне понравилось действовать спонтанно. Следовать чутью.

За ужином я честно рассказал Лиле о своих запутанных отношениях с алкоголем, о взлетах и падениях и о том, что считал главной причиной своих бед: о нежелании признавать проблему. Нужно падать снова и снова, чтобы наконец осознать: твоя жизнь больше тебе не принадлежит. Тот, кто успеет это понять, спасется. Лила слушала меня с таким ис-

кренным сочувствием – и, кажется, даже с восхищением, – что мне сделалось неловко. Я редко и мало с кем говорил о своей беде, но в тот вечер слова лились сами собой, как будто мы с Лилой знали друг друга сто лет. Я рассказал, как брат и верные друзья привели меня в общество анонимных алкоголиков и как это меня спасло. Помощь подоспела вовремя, пока выпивка не успела вытеснить из моей жизни все остальное. На собраниях АА очень быстро осознаешь, каким стремительным бывает падение в пропасть, не имеющую дна. У алкоголиков одна история на всех, и в каждом можно увидеть отражение себя – прошлого или будущего. Опыт моих товарищей почти до смешного совпадал с моим собственным.

Тогда я еще этого не знал, но Лила меня понимала, потому что уже три года сражалась с собственными демонами. Ее бедой был кокаин. В эту трясину Лилу затащил бывший муж Кевин, мелкий неудачник, сексист и свинья. Она выкарабкалась, но время от времени зависимость вновь давала о себе знать.

Лила сразу мне доверилась. А я как раз выяснял отношения с бывшей и шел к неизбежному срыву, так что мы, можно сказать, встретились в нужное время в нужном месте.

Так и не дозвонившись до Лилы, я решил заехать к ней. Она жила в большом доме на тихой улочке под названием Бейкер-стрит. Из десяти квартир пустовала почти половина, остальные населяли одинокие старики. Домовладелец удо-

стаивал жильцов своим появлением не чаще чем раз в месяц, кое-как заделывал то, что требовало срочного ремонта, про остальное с умудренным видом говорил: «Да не бойтесь, оно еще сто лет продержится» – и растворялся в пространстве.

Я сразу почувствовал неладное и вскоре понял, в чем дело. С крючка у двери пропал ловец снов. Я постучал. Лила иногда работала в кафе по воскресеньям, но сегодня смены у нее точно не было. Встревожившись, я вышел на улицу, обошел вокруг дома, по пути убедившись, что боковые окна закрыты, и пробрался на заросший сорняками задний двор. Мои опасения подтвердились: машины Лилы на парковке не было. Решив не терять времени, я вернулся к боковым окнам, выбрал самое хлипкое на вид и почти без труда открыл. Окинул взглядом комнату, не заметил ничего странного и хотел было уже залезть внутрь, но тут в кармане завибрировал телефон. Я не сомневался, что это Марк или Лила, однако взглянув на экран, выругался сквозь зубы: звонил Морган Уайлдлинг.

Морган был новым мужем Триши. А Триша была моей бывшей женой, с которой мы расстались врагами, и матерью моей дочки Дженни, в которой я души не чаял.

– Чего тебе, Морган? – грубо спросил я.

– А, так я не вовремя. Ну да, стоило сообразить.

Я закатил глаза. Этот тип умел достать меня до печенок как никто другой. Морган убедил Тришу назначить его посредником между нами; я был против, но ублюдоков настоял

на своем. Он был адвокатом и забил моей дражайшей супруге голову всякой юридической шелухой.

Неповиновение могло стоить свиданий с Дженни.

– Если есть что сказать, говори быстро. У меня мало времени.

– Я всего лишь хотел сказать, что твоя дочь ждет тебя с самого утра.

Я замер. Безумие последних часов не давало сосредоточиться и понять, какого дьявола хочет Морган. Я действительно навещал дочку по воскресеньям, но в этот раз они собирались к родным в Миннесоту.

– О чем ты?

– Джон, что с тобой происходит?

– Кончай свои идиотские игры и говори прямо, зачем звонишь. Дженни здорова?

Морган знал, до какого предела можно заходить со своими провокациями. На этот раз он говорил серьезно:

– Как я уже сказал, Дженнифер прождала тебя все утро. Ты ведь помнишь, что вчера мы договорились на десять?

Это надо же так нагло врать...

– Ты ведь помнишь, не правда ли? – продолжал Морган надменным тоном, от которого у меня сводило зубы. – Не волнуйся, мы ей сказали, что у папы появилось неотложное дело. И я очень надеюсь, что это правда.

– Ты мне вчера не звонил, – проговорил я не слишком уверенно.

– Ну, извини, Джон.

Сукин сын наслаждался превосходством надо мной.

– Вчера мы не разговаривали! – рявкнул я. – И потом, какого хрена ты не позвонил мне сразу? Ждал, пока...

– Джон, – сказала Триша, – я все слышу, мы включили громкую связь.

– Чудесно. Еще одна подлость.

Воцарилось молчание. Триша стала встречаться с Морганом еще до нашего развода, и я раньше часто ей это припоминал. Не саму измену, а то, что не хватило совести сразу признаться.

– Морган хотел тебе позвонить. – Триша почла за благо оставить мое замечание без ответа. – Но я запретила. Тебе пора научиться выполнять обещания и отвечать за свои слова.

Удар достиг цели. Триша давно меня знала и разбиралась, куда бить.

– Ты огорчила дочь, просто чтобы меня негодяем выставить, – заявил я.

– Нет, Джон, это ты ее огорчил. Ты ни капли не изменился, все тот же лживый ублюдок. Вчера я попросила Моргана предупредить тебя, что мы не едем в Миннесоту. Я знала, как ты отреагируешь, знала, что ты винишь его во всех смертных грехах, хотя он просто пытается тебе помочь. Мы оба пытались, выгораживали тебя перед Дженни, оправдывали твои выходки. Но всему есть предел. Наверное, ей пора

узнать, что ты за отец на самом деле.

На это мне было нечего сказать. Я чувствовал, что Триша не лгала насчет вчерашнего разговора.

Я не стал заходить в дом. Сел на крыльцо и стал ждать, когда вокруг меня сгустится мрак. Качели тихонько поскрипывали на ветру, над лесом гасли последние лучи заката.

Лиля уехала. В ее квартире я не нашел ни одежды, ни каких-либо пожитков. Собирался позвонить ее матери, но потом решил с этим повременить. Разговор только усложнил бы дело.

Запищал телефон, но мне не хотелось брать трубку. Я целый день ждал звонка от Марка, но теперь, увидев на экране его имя, ощутил приступ дурноты.

– Привет, Марк, – сказал я наконец.

– Где ты? – спросил брат, уловив дрожь в моем голосе.

– На крыльце. Я вспоминал Тиграна. Помнишь, как отец садился на ступеньку и свистел, чтобы его подозвать?

– Конечно, помню.

– Иногда я к нему подсаживался, и мы устраивали Тиграну проверку слуха. Папа свистел совсем тихо, едва слышно, и ждал, что будет. У этого пса были уникальные уши.

Марк помолчал.

– Прости, что так поздно звоню, Джонни. В последнее время... Что уж там, у меня выдались непростые деньки. С одной стороны, хочется поскорее продать «Медитек», с другой – почему-то страшно.

У меня не было сил изображать интерес к его делам.

– Лила уехала, – сообщил я. – Я только что от нее.

– С тобой все хорошо?

– Лила была у меня дома вчера вечером, – выпалил я вместо ответа. И рассказал о том, что увидел на записях с камер видеонаблюдения.

– Джонни, послушай... Брось ты это. Не заморачивайся. Отдохни денек-другой, займись чем-нибудь, хоть своими рисунками.

– Она мне снилась, Марк.

Брат молчал так долго, что я решил, будто нас разъединили.

– Вчера, – добавил я.

– Что было во сне?

– Я шел по лесу, ночью. Меня кто-то преследовал. Я проснулся и понял, куда вела тропа из моего сна. Помнишь поляну, где росли два тополя?

– Да, за ней начиналось болото, на котором жили бабочки.

– Верно.

– Забудь, это всего лишь сон.

– Не уверен.

– Поверь мне, – убежденно произнес Марк, – через пару дней ты и думать забудешь об этой истории.

Я не ответил.

– Прости, Джонни, мне пора. Созвонимся на днях. Кстати, у меня есть знакомый специалист, он тебе поможет.

– Пока, Марк.

Не успел я положить трубку, как пришла голосовая почта от Росса Эванса:

«Всем, кто слышит это сообщение. Прошу покорно, сообщите, на какое кладбище отправлять цветы в память о Джоне Бреннере, не посчитавшем нужным уведомить меня о своей смерти. Если же ты, Джонни, паче чаяния, жив, ты наверняка сутки напролет трахаешься со своей нарисованной пчелой и не можешь найти ни секундошки для верных друзей. Что ж, если позвонить ниже твоего достоинства, я сам к тебе приеду, так что у тебя ровно пять минут на изобретение годной отмазки, в которую я, само собой, не поверю. Разве что... Но нет, спекулировать здоровьем Дженни ты не посмеешь. В общем, скоро буду. Со мной шесть банок пива, так что вечеринка ожидается улетная».

Выпалив все это, Росс добавил совсем другим тоном: «Чувак, я соскучился».

Я тоже по нему соскучился. Голос друга мгновенно развеял мою тоску. Был у Росса такой дар – делать людей счастливее.

Я решил подождать на крыльце. Росс приехал через несколько минут, припарковался, вылез из машины и уставился на меня с деланным изумлением:

– Глядите-ка, Джон Бреннер собственной персоной! Я успел порвать с двумя девчонками, с тех пор как мы в последний раз виделись.

– Только с двумя за целый месяц?

Я спустился ему навстречу, и мы обнялись. Росс был здоровяком под метр девяносто с медвежьей хваткой.

– Был занят, – промямлил я в свое оправдание. – Мы и правда давно не виделись.

Росс разжал лапищи.

– Скажи хотя бы, что был занят с Мэгги.

В прошлой жизни Мэгги, Росс и я были неразлучны. Еще детьми мы исходили все окрестные леса, а когда подросли, стали предпринимать более серьезные вылазки, зачастую довольно дерзкие. Потом мы с Мэгги влюбились друг в друга, но страсть не разрушила нашей дружбы. Ее разрушил Лондон. Гребаный Лондон.

– Мы с Мэгги еще не виделись, – признался я. – Я только сегодня узнал от Харрисона, что она в городе.

Росс достал из багажника бутылку кока-колы.

– А вот и пивасик. Холодненький, как ты любишь. Погоди, правда еще не виделись?

– Правда.

– Не может быть. – Росс сделал шаг в мою сторону, тряхнул головой и резко остановился. – Да что с тобой творится? Выглядишь как-то бледно, Джонни. В город вернулась Мэгги Берк, а ты тут жопой крыльцо полируешь.

Войдя в дом, Росс первым делом направился к музыкальному центру.

– Так и знал, – объявил он, обнаружив на вертушке пла-

стинку The Who. – Ладно Харрисон, ему такая музыка в самый раз... Но тебе-то не семьдесят лет.

Такие разговоры повторялись постоянно. Росс костерил британский рок, я в ответ лишь улыбался. Ничего не поде-лаешь, наши вкусы не совпадали. Эванс предпочитал электронную музыку.

– Давай-ка немного разгоним тоску этого дома, а ты пока объяснишь мне, почему до сих пор не виделся с Мэгги.

Он вытащил беспроводную колонку и подключил к мобильному. По гостиной разлилась энергичная мелодия.

– Вот, совсем другое дело.

Мы проболтали около часа. О Мэгги почти не говорили. Соединявшие нас нити вмиг оборвались с ее отъездом, однако в последние годы завязалась скупая электронная переписка. Ничего особенного: поздравления с днем рождения, пожелания счастья в новом году, «как дела?», да и все, пожалуй. Три года назад Мэгги вышла за англичанина.

– Возможно, ей вовсе не хочется с нами встречаться, – предположил я.

Росс возмутился:

– Джонни, у тебя что, амнезия? Это же Мэгги Берк, наша сеструха. Ну ладно, тебе она не сеструха, конечно, это было бы уже слишком. Ну, разумеется, она хочет с нами встретиться! Представляешь, как ее достал этот англичанишка. Все они одним миром мазаны. – Он небрежно махнул рукой в сторону музыкального центра. – Дочка Донована говорит,

она потому и вернулась, что поцапалась со своим мистером Бином.

– Конечно, я был бы рад с ней повидаться, только вот думаю – если она разъехалась с мужем, то ей наверняка хочется побыть одной.

– Позволь мне заверить тебя, наслаждаясь этим восхитительным пивом. – Росс поднял бокал кока-колы и сделал глоток. – Ничего такого она не хочет. И сделай одолжение, не начинай про Лилу. Она классная, ничего не хочу сказать, но все-таки...

Я поднял ладонь:

– Мы с Лилой расстались. Она уехала из города.

Росс, кажется, не слишком удивился:

– Значит, не я один на этой неделе разбивал сердца.

– У нас все было немного сложнее.

– На самом деле я еще кое-что слышал о Мэгги. Моя мать говорила с миссис Ллойдс. У этой дамы, как ты знаешь, язык без костей, но тут ей, кажется, можно верить. Так вот, она говорит, что Мэгги была беременна и потеряла ребенка. Оттого ее брак и рухнул. Тебе об этом что-нибудь известно?

Я покачал головой. Мэгги всегда говорила, что хочет стать матерью, и наверняка пробовала забеременеть.

Росс пробыл у меня еще долго. Мы обсуждали Нив, которая целый месяц звалась его девушкой – для моего друга это был олимпийский рекорд, – и я почти забыл о своих злоключениях. Хотел было рассказать о них Россу, но передумал:

решил, что Марк прав и мне попросту нужно переключиться, подумать о чем-нибудь другом, да хоть о той же Мэгги Берк.

Два дня спустя произошла катастрофа. Началось все со звонка Дарлы. Она позвала меня на день рождения Марка. Мой брат родился пятнадцатого числа, а значит, до торжества оставалось десять дней. Дарла была превосходной хозяйкой, и праздники, которые она устраивала, получались один лучше другого.

Познакомившись, мы с Дарлой подружились не сразу. Я увязал в алкогольном болоте и впечатление производил не самое благоприятное. А Дарла, как мне показалось – и, откровенно говоря, казалось по сей день, – слишком много значения придавала внешнему лоску. Я категорически не вписывался в концепцию идеальной семьи и виделся Дарле таким позорным пятном. Обузой. Я поначалу не скрывал своей неприязни, но Дарла была мудрее. Как-то раз она пришла ко мне, и мы поговорили по душам. Дарла рассказала о своей жизни; ее воспитывал дядя, горький пьяница, который понятия не имел, что делать с оказавшимся на его попечении трехлетним ребенком, и оттого пил еще сильнее. Так что моих демонов Дарла знала в лицо. Если у нее самой никогда не было проблем с алкоголем, то лишь потому, что она насмотрелась на них еще в детстве.

Вскоре наши отношения пошли на лад, и со временем я стал считать Дарлу надежным другом.

– Как твои дела, Джон?

Судя по ее голосу, Дарла догадывалась, что дела у меня не очень.

– Разве Марк тебе не сказал?

– Сказал только, что у тебя выдалась нелегкая неделя. Я не стала лезть с расспросами. Марк нервничает из-за «Медитека», вот я и стараюсь не дергать его лишний раз.

– Да, он говорил, что хочет продать компанию.

Дарла не ответила, но мне показалось, что решением мужа она недовольна. Я ждал продолжения разговора, но Дарла внезапно сменила тему.

– Мы с Леной собрались в Нью-Йорк на несколько дней. А то я что-то как чужая стала в собственном доме. Слушай, Джон, – продолжала она другим тоном, – я собираюсь купить Марку подарок. Съездишь со мной в Линдон-Хилл?

Я хотел отказаться.

– Тебе не помешает развеяться, да и мне тоже, – настаивала Дарла. – Я купила у одного коллекционера старинную шахматную доску, ей больше ста лет; конечно, продавец может ее прислать, но я лучше съезжу сама.

– Уговорила, составлю тебе компанию.

Дарла заехала за мной через четверть часа. По свободной дороге до Линдон-Хилла можно было добраться за сорок минут, а в понедельник после обеда она как раз была свободна. Дарла больше не терзала меня вопросами, зная, что я разговариваю сам, когда буду готов. Вместо этого она развлека-

ла меня рассказами об удивительной шахматной доске, которую приготовила в подарок мужу. Дарла купила ее на аукционе. На этой доске играли на чемпионате мира в Аргентине в начале прошлого века.

– Думаешь, Марку понравится? – волновалась Дарла. – Она подлинная, у нее есть сертификат.

– Марк будет в восторге.

Потом мы заговорили о «Медитеке». Вопреки моей догадке, Дарла полностью поддерживала мужа. Она считала, что Марк давно задумал продать компанию, но не стала объяснять, почему ей так кажется.

– Мы поругались с Тришей из-за Дженни, – выпалил я неожиданно для самого себя.

Дарла повернулась ко мне. По удивленному взгляду невестки я понял, что Марк действительно не стал посвящать ее в мои дела.

– По моей вине, – добавил я.

– Ты же любишь свою дочь, Джон. Поверь мне, это важнее всего. А Триша ведь неплохой человек, попробуй поговорить с ней.

– Все не так просто, – вздохнул я, – тем более с таким посредником, как Морган. А я... и вправду напортачил.

Дарла молчала.

– Это не то, что ты подумала, – заверил я. – Я не пил.

– Знаю.

– Мы с Тришей уже поговорили, она разрешила заехать к

Дженни завтра.

– Замечательно!

Я не находил ничего замечательного в том, чтобы просить у бывшей разрешения увидеть собственную дочь, но уж с этим я ничего поделать не мог.

Антикварная лавка «Моррисон и сыновья» находилась в той части города, которую прежде считали фешенебельной. О былой роскоши еще свидетельствовали огромные витрины и позолоченные вывески, но в последние годы некогда богатый квартал утратил свой шик. Дорогие магазины и модные дизайнеры перебрались ближе к северу, на Линкольн-авеню, а здесь престижных мест почти не осталось.

Мы припарковались у входа, и Дарла предложила выпить кофе, когда покончим с делами. На противоположной стороне улицы как раз расположилась кофейня под названием «Фабрицио», на вид чистая и уютная.

– Пойдешь со мной или подождешь в машине?

– Пожалуй, останусь в машине, а то еще, чего доброго, упаду в обморок, когда узнаю, во сколько тебе обошлась эта доска.

Дарла рассмеялась:

– Куда дешевле, чем ты думаешь. Я отчаянно торговалась.

– Не беспокойся, я тебя подожду.

Немного поколебавшись, Дарла расстегнула ремень безопасности и вышла из машины. На пороге ее встретил пожилой человек в старомодном костюме. О чем-то беседуя, они

скрылись в лавке.

Я стал глазеть на улицу и вдруг увидел фургон.

Тот самый фургон с Гребня Ящера. Я поспешно пригнулся на пассажирском сиденье и осторожно выглянул в окно, стараясь не высовываться слишком сильно.

Фургон медленно двигался по противоположной стороне дороги. Водителя я не разглядел, но рядом с ним сидел бородатый мужчина в синем берете и прямоугольных очках. Особенно же врезался мне в память острый профиль.

Фургон проехал мимо, и я успел заметить, как он сворачивает на перекрестке неподалеку от кофейни. Ни секунды не раздумывая, я выскочил из машины и бросился следом. Прежде чем скрыться за углом, водитель «фольксвагена» высадил человека в берете. Это оказался интеллигентный на вид парень примерно моего возраста, в облегающей голубой рубашке, с кожаным рюкзаком за плечами. Я спрятался за почтовым ящиком. Бородач растерянно смотрел на припаркованную чуть поодаль машину Дарлы, словно раздумывая, что предпринять.

Я тебя вижу, а ты меня нет, сукин ты сын.

Парень в берете зашел в кофейню и сел за столик у окна, из которого открывался отличный вид на антикварную лавку. Похоже, он не просекал, что я уже не сижу в машине, и этим маленьким преимуществом грех было не воспользоваться. Бородач знал ответы на мои вопросы, и я не собирался его отпускать.

Я пересек улицу и вошел в кофейню. Бородач сидел ко мне спиной, его узкие плечи и синий берет виднелись из-за спинки дивана. Народу в заведении было немного. По залу расхаживали две официантки с подносами и кофейниками. Одна из них поставила перед бородачом чашку. Я присел за столик, дождался, пока уйдет официантка, а затем встал и решительно направился к незнакомцу.

Я незаметно приблизился к нему сзади. Четкого плана у меня не было; для начала я собирался предстать перед этим субъектом и потребовать объяснений. Приглядишься к нему повнимательнее и подумай как следует, заметил бы, что кое-что тут не сходится. Но я в тот момент вообще не думал.

Я стоял как раз за спиной у бородача, когда мой сомнительный план дал сбой. Парень в берете достал из рюкзака конверт и вытащил из него студийную фотографию девушки. Я сразу ее узнал. Волосы модели были стянуты в узел, на губах застыла загадочная полуулыбка, но это, вне всякого сомнения, была та самая девчонка, которую я нашел мертвой в своей гостиной.

Я застыл на месте. Парень немного полюбовался фотографией и спрятал ее в конверт. И тут я слетел с катушек. Подскочил к незнакомцу, схватил его за ворот рубашки. От неожиданности тот резко согнул ноги и ударился коленями о столешницу. Стол накренился, из чашки выплеснулся почти весь кофе. Девчонки за соседним столиком испуганно заверещали.

– Ты кто, мать твою, такой? – проорал я в лицо бородачу, поднял его за шкурку и швырнул обратно на стул. Берет слетел, обнажив намечающуюся лысину.

Парень не сопротивлялся. То ли был слишком напуган, то ли гениально играл свою роль.

– Что?... Что?... – лепетал он.

Подоспевший администратор попытался схватить меня за локоть, но я его отпихнул.

– Живо звони в полицию! – крикнул администратор касирше.

Девчонки все верещали, некоторые посетители начали перебираться за столики подальше от меня.

– Ты следил за мной из фургона! – Я ткнул пальцем в бородача. – Кто ты такой? Кто эта девушка?

У парня дрожала челюсть.

– Какая девушка?...

Я указал на конверт:

– Эта девушка, ублюдок!

Бородач изменился в лице.

– Это... моя дочь, – пробормотал он.

На вид парень был старше меня на два-три года. Приходиться девушке с ожерельем отцом он никак не мог, а стало быть, бессовестно лгал. Я надвигался на мерзавца с кулаками, тот съежился от страха. Я замахнулся, и тут меня схватили за руки. Справа на мне повис администратор, слева тучный малый в белом фартуке, должно быть шеф-повар.

– Похулиганил – и хватит! – объявил повар.

– Вали отсюда, – приказал администратор, – полиция уже едет.

Я рванулся, но меня удержали.

– Она не твоя дочь! – крикнул я. – Открой хренов конверт и покажи всем снимки, говнюк поганый!

– Не делайте ничего, сэр, – предупредил администратор. – Копы сейчас приедут.

Тут-то я их и увидел. На столе стояла чашка с остатками кофе, лежал белый конверт, а рядом – ключи от машины с брелоком дистанционного управления. Точно такие же, как у Дарлы. В стареньком фургоне не могло быть замка такого типа. Полная нелепица. Мои стражи поняли, что я угомонился, и немного ослабили хватку.

Я не сводил глаз с брелока.

– У меня нет фургона, – заявил бородач, на глазах обретая уверенность. Он сгреб ключи со стола и нажал на кнопку сигнализации.

За окном взвыла сирена, и в такт ей замигали огни «форда».

Я окончательно растерялся. Парень в берете приехал в фургоне – я видел это собственными глазами.

Потом меня осенило: конечно же, автомобиль подогнали заранее!

Чтобы проследить за мной на обратном пути в Карнивал-Фолс.

– Открой хренов конверт, – процедил я сквозь зубы.

В дверях появился полицейский, и все, включая меня, повернулись к нему. Девчонки за соседним столиком шумно приветствовали блюстителя порядка.

До того как коп успел приблизиться, парень в берете наклонился ко мне и проговорил вполголоса:

– Чувак, это фотографии моей дочери, ты меня с кем-то перепутал.

– Покажи, – прохрипел я.

Полицейский шел к нам через зал, на ходу оценивая ситуацию – по виду банальную ссору между двумя посетителями.

Бородач достал из конверта фотографии и аккуратно разложил на столе подальше от кофейной лужи и от меня.

Пол качнулся у меня под ногами.

С фотографий смотрела девочка лет восьми-девяти. На одном из снимков ее волосы были стянуты в узел.

– Это моя дочь, – повторил незнакомец.

– Что здесь происходит? – прогремел голос полицейского.

Я смотрел на снимки и ничего не понимал. Я точно видел убитую девушку. Однако теперь на фотографиях был ребенок. Как я мог их спутать?

– Сэр?

Голоса вокруг меня сливались в невнятный шум. Посетители переговаривались, кое-кто смеялся. Слух выхватывал из этого гула отдельные слова. Псих. Дочь. Полиция.

– Я... мне, кажется, нехорошо.

– Меня с кем-то перепутали, – пояснил бородач, надевая берет. – Ничего страшного.

– Вы уверены?

Мою голову будто обернули в плотную ткань. Даже когда парень в берете спрятал дочкины фотографии обратно в конверт, я продолжал сверлить глазами место, где они только что лежали.

– Джонни? – голос Дарлы вывел меня из оцепенения.

Мы с Дарлой немного прошли по парку. Она, конечно, хотела узнать, что случилось, и я сказал, что сцепился с парнем в кофейне из-за ерунды. Дарла мне не поверила, но спорить не стала. Когда я сказал, что хочу погулять в одиночестве, а потом доберусь до дома на автобусе, она решительно воспротивилась и заявила, что довезет меня до дома, а там я уже могу делать что хочу. Я поблагодарил, но сказал, что у меня сейчас совершенно нет сил поддерживать разговор и тем более – объяснять, что произошло в кофейне. В конце концов Дарла сдалась, взяв с меня слово, что я не наделаю глупостей и обязательно позвоню, как только доберусь. А если через два часа от меня не будет новостей, она все расскажет Марку. Спору нет, унижительно, но, если подумать, разумно.

– Я люблю тебя, Джон, – сказала Дарла на прощание. – И верю тебе.

Я улыбнулся и помахал ей рукой.

Дарла уехала, а я побрел куда глаза глядят по улочкам Линдон-Хилла, который знал, как свой родной город. Велел себе не думать о случившемся, но вновь и вновь возвращался мыслями к стычке в «Фабрицио». Если нельзя доверять собственной памяти и собственному рассудку, чему вообще верить?

Я сам не заметил, как добрел до внушительного здания, в котором размещался офис «Медитека». В свое время Марк и его партнер Йэн Мартинс за бесценок выкупили давно закрытый военный завод и вложили сэкономленные деньги в ремонт и оборудование. В результате из заброшенного строения получился современный научный центр.

Охранник в будке у входа смерил меня взглядом и тут же вернулся к своим делам. Я побродил вокруг офиса минут двадцать, размышляя, не зайти ли к Марку, чтобы все ему рассказать, и заранее зная, что не стану этого делать.

Что ты ему скажешь? Что он с самого начала был прав?

Я погулял еще полчаса и зашел в винный магазин.

В Карнивал-Фолс мне спиртное не продавали, но в Линдон-Хилле сохранять инкогнито было куда легче. Меня охватило почти забытое головокружительное чувство. Алкоголик, покупающий выпивку, как бы висит над бездной, на дне которой ждет его самый жуткий кошмар. Ты прекрасно осознаешь, что делаешь – ходишь между полками, разглядываешь бутылки, берешь одну из них за горлышко, отсчитываешь шаги до кассы; каждое движение оставляет в твоём сознании глубокую борозду, словно плуг во влажной земле, и ты знаешь, что пути назад нет. Алкоголизм – как гигантский шар, покатится – не остановишь.

Из Линдон-Хилла я уехал на автобусе с двумя бутылками водки в бумажном пакете. Я пытался остановить свой шар. Мог избавиться от бутылок в любой момент, но все же при-

вез их домой. Уже на пороге подумал, что вовсе не обязан нести водку в гостиную, ведь пакет можно оставить в машине.

Можно...

Я сунул пакет под сиденье «хонды».

В углу веранды стоял розовый стульчик Дженни. Она сидела на нем, когда гостила у меня. К стульчику прилагался столик, но он был слишком громоздким, и я держал его в гараже.

У тебя хватит воли выбросить бутылки, пообещал я себе. Чуть позже.

Пара часов прошла в бесцельном хождении по дому. Обычно мне становилось легче от прогулки в лесу. Бродя по знакомым тропинкам, раздвигая руками ветки деревьев и слушая пение птиц, я будто возвращался в детство. Я стал собираться, но в последний момент передумал. Припаркованная во дворе «хонда» таила в себе опасность. Я почему-то вспомнил фильм про женщину с ребенком, которым пришлось прятаться в машине от бешеного сенбернара. Мной начал овладевать соблазн вытащить из-под сиденья бутылки и выпить их в лесу. Да и какой смысл себя обманывать? Не выпил сегодня, так выпью завтра. Но завтра мне предстояло ехать к Дженни. По крайней мере, я обещал Трише, что приеду. И чтобы снова не облажаться, надо любой ценой остаться трезвым.

А чтобы быть трезвым завтра, рассудил я, с бутылками

нужно расправиться до захода солнца.

Я вышел из дома.

Телефон зазвонил, когда я открывал машину. Звонил Росс. Мой друг всегда появлялся вовремя. Однажды Росс вытащил меня из-под колес поезда, так что я вполне мог считать его своим ангелом-хранителем. Я застыл, уставившись на собственную руку, будто на ней разрасталась чудовищная опухоль. Потом отпустил дверь «хонды», и она захлопнулась с резким хлопком, потревожившим лесную тишину.

Я вернулся в дом и написал Дарле, что доехал без приключений и чувствую себя неплохо. Тогда мне и вправду казалось, что демоны повержены. Наутро я заберу Дженни, поведу ее гулять и ничего не испорчу. Я был настроен как никогда решительно.

Очнулся я на качелях на веранде. Попытался открыть глаза и чуть не ослеп от невыносимого сияния. Хоть и одуревший спросонья, я сообразил, что это солнечные лучи пробиваются сквозь кроны деревьев. Я не мог пошевелиться. Даже думать было больно. Меня не рвало, по крайней мере на веранде, но вчерашняя одежда насквозь пропиталась потом. В восемь я должен был заехать за Дженни, чтобы отвести ее на детскую площадку; мы с Тришей договорились, что я позвоню за двадцать минут.

Солнце слишком высоко...

Я не мог заставить себя встать. В мозг точно вонзили раскаленный штырь. Когда я попытался выпрямиться, в желудке что-то словно опрокинулось, и пришлось опять свернуться калачиком. Глаза слезились и чесались. Я не решался посмотреть на часы в телефоне, скованный жутким предчувствием, что непоправимое уже случилось и никаких подтверждений от электронного прибора не требуется. Понятно было, что потом я помирюсь с дочкой, но прямо сейчас я пребывал в полной заднице. Целый год пытался стать для Дженни отцом, которого она достойна, и вот пожалуйста – валяюсь на веранде, как куча отбросов.

От предыдущей ночи в памяти остались лишь обрывки. Я четко помнил, что долго ворочался без сна, стараясь не

думать об оставленных в «хонде» бутылках. Потом в голову закралась идиотская мысль о том, что их надо выпить поскорее, успеть проспаться и приехать к Дженни трезвым, чтобы она ни о чем не догадалась. Дальше все было как в тумане. Если беспокоишься только о том, как бы ребенок *не догадался*, значит, все – точка невозврата пройдена. Вопрос пить или не пить больше не стоял, я лишь мучительно размышлял – *когда?*

Я точно помнил, что проснулся на рассвете. В такие минуты знаешь, что пропал... Ты придумываешь себе оправдание и держишься за него всеми силами, потому что волю ты уже потерял. Ты не стоишь на краю, ты уже сорвался, невидимая зловещая сила влечет тебя вниз, и остается лишь отдалиться ей.

Дальше были совсем уж бессмысленные клочки воспоминаний – и абсолютная пустота.

Я медленно, с величайшей осторожностью сел. Ощущение было такое, будто мозг плавает в озере лавы и с каждым моим движением оплавляется все сильнее. Пришлось прикрыть глаза руками, чтобы защитить их от безжалостного солнца. На полу валялась пустая бутылка. Я покачал головой, отрицая очевидное, и наконец обреченно полез в карман джинсов за мобильником. Включил его, повернул так, чтобы экран не отсвечивал.

Минуло десять утра.

Я не смог, да и не захотел сдерживать слезы. Спрятал лицо

в ладонях и разрыдался от невыносимого стыда. Ничего уже не исправишь: Дженни все утро ждала папу, а он опять не пришел. В отчаянии я пнул ногой бутылку.

Винить было некого: я сам загнал себя в эту западню. Поехал в Линдон-Хилл, купил чертовы бутылки и дотянул до последнего момента, чтобы точно ничего уже нельзя было поделать.

Я очень давно не говорил с Дональдом Уэллнером, куратором из «анонимных алкоголиков», но теперь его голос сам собой зазвучал в моей голове:

«Ты должен сказать Трише правду».

– Не сейчас, Дон, – ответил я вслух.

Для Триши предстояло изобрести какую-нибудь правдоподобную историю; в конце концов, я продержался трезвым почти год, и она не имела права винить меня за то, что случилось в последние дни. Это было бы совсем уж несправедливо.

Я отправил эсэмэс, что уже еду и что у меня неожиданно возникла проблема, о которой расскажу при встрече. Проблему еще надо было выдумать. Несмотря на жуткую мигрень, в голове у меня прояснилось, и появилось чувство, что на этот раз я выйду сухим из воды. Я принял душ, переоделся и через пятнадцать минут был готов отправляться в дорогу.

В машине я думал о двух вещах. Во-первых, как буду оправдываться перед бывшей женой. История должна звучать правдоподобно. Дон учил нас, что вранье не приводит

ни к чему хорошему. Разумеется, он был прав, но сегодня я решил предпочесть самоубийственной честности спасительную ложь.

Во-вторых, мне не хотелось давать Моргану поводов для злорадства. На словах он неизменно радовался моим успехам в борьбе с выпивкой, а сам ждал, когда я облажаюсь. Такие, как Морган, в своей надменности кажутся совершенно неуязвимыми, однако в глубине души страдают от чудовищного комплекса неполноценности и испытывают постоянную потребность самоутвердиться за счет менее удачливых ближних. Проще говоря, Морган был ничтожеством.

Триша подстригала живую изгородь. Дверь гаража была приоткрыта, и внутри я увидел лишь ее машину. Заметив меня, Триша сразу поникла. Вздохнула. В перепачканном зеленом фартуке и с ножницами в руках, она молча, с непроницаемым лицом смотрела на меня. Я припарковался и вышел из машины. Какое-то время мы мерили друг друга взглядами. Вряд ли я любил Тришу, но когда-то меня очень сильно к ней влекло. Наконец бывшая жена шагнула мне навстречу:

– Пойдем в дом, Джон.

Я последовал за ней. В гараже Триша сняла фартук и оставила ножницы на полке. Мы зашли в кухню.

– Хочешь что-нибудь выпить?

– Воды, если можно.

Она протянула мне стакан и села за стол.

– Можешь не волноваться, сегодня Дженни тебя не ждала.

Я удивился.

– Морган так решил, – продолжала моя бывшая. – После того, что ты устроил в воскресенье. Мы не стали ей говорить, что ты придешь. Конечно, если бы ты все-таки соизволил появиться, она бы обрадовалась. Но раз уж не сложилось... Джон, ты держался целый год, и будет очень жаль, если сейчас ты вернешься к прошлому. Дженни быстро растет и скоро все будет понимать. Учти, она очень смышленная девочка.

– Я знаю. Поверь мне, возврата к прошлому не будет. Я не выпил ни капли... Просто появилась одна проблема, неожиданно...

– Джон, ради бога.

– Лила пропала... Их с сыном нигде нет. Она уже три дня не отвечает на звонки, я ездил к ней домой, но там пусто.

Пока что я говорил правду, но теперь пришло время сдобрить ее щепоткой лжи:

– Кто-то заметил, как я заглядываю в окна, и вызвал полицию. Пришлось объясняться с копами.

Триша глядела недоверчиво.

– С Лилой все в порядке?

– Не знаю. Говорю же, она уехала и не отвечает на телефон.

– Джон, я правда хочу, чтобы Лила нашлась. Ты же знаешь, я всегда была на твоей стороне, хотела, чтобы у тебя все наладилось. В конце концов, у нас есть дочь, мы должны

жить в мире хотя бы ради нее.

– Согласен. Думаю, в последний год я неплохо себя показал. Только нужно, чтобы ты мне доверяла и не позволяла новому мужу пудрить тебе мозги.

– Пожалуйста, давай не будем трогать Моргану.

– К сожалению, не получится, он добавляет нам проблем, вынуждает меня оправдываться за каждый шаг. Ты же не такая, Триша. Разве нормально, что мы не можем толком поговорить без него?

– Джон, первые годы были сущим адом. Наше общение необходимо было как-то регламентировать. А Дженни...

– Регламентировать? Ты сама-то себя слышишь?! Дженни моя дочь, я люблю ее больше жизни, и ты это знаешь. У меня был тяжелый период, но я справился. Я всегда был хорошим отцом.

– Ты дважды обещал навестить дочь и не приехал. Разве хорошие отцы так поступают? Себе можешь врать сколько угодно, но меня ты больше не обманешь. Тебе нужно лечиться, Джон.

Триша встала.

Я чувствовал себя опустошенным. Все, что я сказал о Моргане, было истинной правдой. Мы с Тришей не всегда ладили, но, по крайней мере, старались. А этот ублюдок влиял ей в уши яд, не гнушаясь намеренно приплетать к своей клевете нашу дочь.

– Я говорю правду, – сказал я, тоже поднимаясь. – И Мор-

гану придется меня выслушать. Мне осточертело плясать под дудку твоего придурка-мужа.

Триша достала из кармана мобильник, нашла в нем что-то и невозмутимо показала мне.

На фотографии была моя веранда. Я лежал лицом вниз на качелях, рука безвольно свесилась до земли. Рядом валялась пустая бутылка.

– Я тебя оправдывала, – медленно проговорила Триша, не убирая экран от моего лица, – пока мой придурок-муж не поехал к тебе. Знаешь, что он мне сказал?

Я не ответил.

– Что именно так ты и поступишь. Начнешь врать. Ступай домой, Джон. Тебе нужно лечиться.

В тот день мне снова приснился сон. Я брел через лес, освещая себе дорогу лучом фонарика, и испытывал уже знакомый страх. Я знал, что впереди ждет нечто ужасное, но, как это случается во сне, был не властен над собой и продолжал идти. Меня кто-то преследовал; за спиной шуршали листья, сломанные ветки хрустели под чьей-то ногой. Обернуться и встретиться с преследователем лицом к лицу не хватало смелости.

Я вышел на поляну, на которой росли два тополя. Впереди чернела глубокая яма, рядом высилась гора земли, из которой, словно две антенны, торчали перекрещенные лопаты. Я заглянул в яму и убедился, что там пусто.

Она стояла поодаль, прикрывая лицо рукой от света моего фонарика. Девушка с нежной, прозрачно-бледной кожей. Мое внимание приковало ее платье – нарядное, голубое, точно такое же, как у новой подружки пчелки Люси, которую я нарисовал на днях. А еще – ожерелье с подвеской, похожей на талисман. Три ромба – один на другом, а по бокам, будто крылья, – два треугольника.

– Посмотри еще раз, – произнесла девушка.

Так я впервые услышал ее голос, тихий и нежный, как она сама.

Я покорно повернулся туда, куда указывала девушка. Яма

пропала. Две лопаты валялись в траве.

— Ты кое-что забыл, — произнесла девушка, не опуская руки.

Я встал на колени перед могилой и стал копать. Лопаты лежали совсем рядом, но я рыл землю голыми руками, яростно разбрасывая комья, и останавливался только для того, чтобы убедиться: девушка все еще здесь и смотрит на меня. Я копал, земля сыпалась обратно в яму, и приходилось начинать заново, но я копал и копал, ломая ногти и стирая пальцы в кровь, копал и спрашивал себя, что же я забыл.

И проснулся с этими словами на устах.

Ты кое-что забыл.

Никогда раньше у меня не бывало таких правдоподобных снов. Звонкий голос и глаза невиданной синевы. Тревога на темной тропе и страх перед тем, что ждет впереди. Я сел на кровати, пытаюсь унять дрожь.

Было одиннадцать ночи, а значит, я проспал не больше часа. Я поспешно оделся и спустился в студию, чтобы нарисовать ожерелье из сна.

На столе лежала картинка с девочкой в голубом платье и пчелкой Люси. От ее вида у меня по спине побежали мурашки. На девочке тоже было ожерелье. Я не помнил, как его нарисовал.

Я взял из сарая лопату, бросил ее в багажник и отправился в лес. Теплая ночь позволяла ехать с опущенными стеклами. Я не спрашивал себя, какого черта творю; со стороны

мои действия могли показаться сущим безумием, но я чувствовал, что этот сон был не просто сном.

Вдруг мои видения что-то значат? Вдруг девушка похоронена там, под тополями? А что еще она хотела мне сказать, зачем вела меня через лес? Если я найду тело и сообщу о нем властям, мертвая обретет покой. И я тоже.

Так ты у нас теперь с призраками общаешься?

Старик, а ведь Триша права. Тебе точно нужно лечиться.

Найти заветную поляну не составило труда.

Копая, я старался ни о чем не думать. Размышления мешают действовать. А я чувствовал, что делаю нечто важное и разумное, возможно самое разумное за последнее время.

Через час глубина ямы достигла двух метров, а я окончательно убедился, что никому не пришло бы в голову рыть могилу в такой твердой почве. Спутать место я не мог: на поляне больше не было ни дюйма голой земли. Ноги подгибались, страшно хотелось пить, а перспектива закапывать яму обратно приводила меня в ужас.

По большому счету я должен был испытать облегчение. В лесу никто никого не хоронил, а значит, я не получал посланий от мертвой девушки. Мои сны оказались порождением издерганного разума, а видения было бы правильнее называть галлюцинациями. Жалкий неудачник, я сидел на куче земли и пытался отыскать среди сгустившихся надо мной туч лучик надежды.

И не находил.

Своему брату я доверял как никому другому.

Отец покончил с собой, когда мне едва исполнилось одиннадцать. Марк, который был всего на пять лет старше, очень быстро повзрослел. Для меня он стал опорой и защитником. Конечно, была замечательная тетя Одри – после случившегося она переехала к нам жить, – и друзья отца из Б-клуба всегда нас поддерживали, но никто не сделал для меня столько, сколько Марк. Он один по-настоящему меня понимал. Лучшие учебные заведения страны почли бы за честь видеть Марка своим студентом, но он выбрал третьесортный университет в Линдон-Хилле, чтобы не бросать меня, и все равно добился успеха. Мой брат всегда добивался успеха.

В два часа ночи я отправил Марку эсэмэс. Ответ пришел мгновенно; брат привык спать по пять часов в сутки и вообще был совой. Я спросил, нельзя ли ему позвонить, и Марк разрешил. Разговор вышел коротким и деловым: я рассказал про сон и про то, как искал в ночном лесу труп. Марк выслушал, не перебивая, и велел ехать к нему *немедленно*.

Я подъехал через несколько минут; огромный особняк был погружен в темноту, и, если бы не «мерседес» у парадного входа, могло показаться, что хозяев нет. Я обошел вокруг дома и увидел свет в окне кухни. Марк, одетый в джинсы и растянутую футболку, ждал меня на пороге, улыбаясь

тепло и немного печально, совсем как отец.

– Проходи, Джонни, – устало проговорил брат.

Я хотел вытереть ноги, но на пороге не было коврика.

– Оставь, – сказал Марк, прочитав мои мысли. – Дарлы нет, она вернется только к выходным. Поехала в Нью-Йорк.

– Вот так, ни с того ни с сего? – Я изобразил удивление.

– Да. Они с Леной вчера уехали.

Из всех подруг Дарлы только у Лены тоже до сих пор не было детей. На этой почве они, наверное, и сблизились.

На столе стояла наполовину пустая кофейная чашка. Марк предложил налить и мне, я согласился. После утомительных ночных трудов доза кофеина была как нельзя кстати.

– Я совсем тебя забросил, Джонни. На работе все очень непросто. И покупатели еще полбеды, а вот Йэн... Мы с ним никак не можем договориться.

Марк и Йэн Мартинс были не разлей вода еще до «Медитека», в колледже; кто бы мог подумать, что их дружба даст трещину.

Повернувшись ко мне спиной, брат заправлял кофемашину и, похоже, собирался с мыслями. Наконец он поставил передо мной чашку и сел напротив.

– Вопрос с продажей вот-вот решится. – Марк немного помолчал. – А вот с Дарлой у нас ничего не ладится.

Я замер с чашкой в руке, не успев сделать глоток. Эта новость застала меня врасплох, и не только потому, что брак

Марка и Дарлы казался нерушимым как скала, но и оттого, что брат не имел привычки откровенничать о своей семейной жизни.

– Ну ничего, все образуется. – Марк беспечно махнул рукой. – Сейчас главное с «Медитеком» разобраться.

– Я думал, ты сам решил его продать.

– Мы с Йэном по-разному смотрим на вещи. На «Медитек» в том числе. Будь его воля, он бы давно от него избавился.

Марк никогда раньше не говорил со мной так откровенно. Дело было не только в гордости – а Марк был гордым человеком, – но и в его умении оставлять повседневные проблемы за скобками. Мне такого таланта явно не хватало. Брат же не только никогда не просил меня о помощи, но и вообще рассказывал о своих делах весьма неохотно.

Он посмотрел на часы и вдруг помрачнел:

– Вот что я тебе скажу, Джонни. Твои видения действительно не совсем галлюцинации.

Я остолбенел:

– Ты о чем, Марк?

– Я же обещал тебе все разузнать. В последние дни у меня совсем не было времени, но я про тебя не забыл, не сомневайся.

– Что ты узнал?

– Ты не ошибся, Джонни, все действительно сложнее, чем казалось на первый взгляд. Потому я и хотел, чтобы ты при-

ехал. По телефону о таких вещах не говорят. Джонни, как брат тебя прошу – выполни мою просьбу.

– Какую?

– Позволь мне самому во всем разобраться.

Я посмотрел Марку в глаза. Он выдержал мой взгляд.

– И ты ничего мне не объяснишь? Не понимаю, почему ты мне не доверяешь? – спросил я.

Мы с Дарлой договорились не рассказывать Марку о случае в кофейне, но сам я думал о нем постоянно. Откуда взялся фургон, кем был парень в берете на пассажирском сиденье? Как портрет мертвой девушки превратился в фотографию девятилетнего ребенка? Ответов на эти вопросы у меня не было.

– Джонни, ты же знаешь, я тебе доверяю.

– И что же?

– Я тебе все расскажу. Со временем.

– Со временем, Марк?! – Я в бессильном гневе стукнул кулаком по столу. – Ты что, меня всю жизнь опекать собрался? Не выйдет! Я не слабоумный!

– Я этого не говорил.

– Еще бы ты это говорил. Мне-то что теперь делать? Мне, на секундочку, трупы с фургонами мерещатся!

– Очень тебе сочувствую.

Я покачал головой и вполголоса произнес:

– Сомневаюсь.

– Джонни, мы обо всем поговорим, обещаю. А пока по-

старайся отвлечься. Проводи больше времени с Дженни... И не пей больше. Хотя бы это ты можешь мне пообещать?

Я вскочил на ноги:

– Да как я тебе это пообещаю?! У меня теперь эта девчонка из головы не выходит!

– Джонни, ради твоего же блага...

– Да пошел ты, Марк! Хватит, я тебе не марионетка!

Я выскочил из кухни, хлопнув дверью.

В ту ночь я отлично выспался. Наутро злость на Марка начала мало-помалу стихать. В конце концов, может быть, у него и вправду были веские причины не рассказывать мне всего сейчас?

Я был голоден как волк и потому решил приготовить ударный завтрак: яичницу с беконом, тосты и вафли. Все это я слопал прямо в кухне, врубив музыку на полную громкость. Выбрал «*Parklife*» группы *Blur* – в итоге песня стала своего рода предсказанием грядущих событий. Но тогда она показалась мне идеально соответствующей настроению утра. Я чувствовал, что жизнь вот-вот опять мне улыбнется. Пережевывая вафли, я решил откровенно поговорить с Тришей. Настолько откровенно, насколько было возможно в сложившихся обстоятельствах. И постараться, чтобы она меня простила.

После завтрака я отмыл до блеска накопившуюся за несколько дней посуду и под пение *Blur* отправился в студию. Не стал там задерживаться, только захватил картинку с пчелкой Люси и девочкой в голубом платье, набросок ожерелья и фотографию машины Лилы на Парадайз-Роуд. Все это я разложил на столе в гостиной и принялся внимательно изучать.

Из того дня, когда ко мне приезжала Лила, выпали

несколько часов. Граница между реальностью и миром таинственных фургонов, исчезающих трупов и волшебных фотографий пролегла именно там. Что же было известно Марку? Что он скрывал от меня?

В тот же вечер я поговорил с Тришей. Попросил прощения, пообещал, что постараюсь больше не срываться, и признался, что готов принять помощь. Я не врал. И Триша мне поверила. Не знаю, что сильнее на нее подействовало: моя искренность или отсутствие Моргана, но бывшая разрешила мне приехать к Дженни с единственным условием, что мы останемся дома под ее присмотром. Я не стал спорить. Триша заверила меня, что Морган такое наверняка одобрит. Я чуть было не сказал, куда он может пойти со своим одобрением, но вовремя прикусил язык, чтобы не разрушить едва установившийся худой мир.

Во время разговора я бродил по дому и незаметно для самого себя забрел на задний двор. В дом я вошел улыбаясь: дела определенно шли на лад. Оставалось только позвонить Дону и рассказать о последнем срыве.

Blur запели «*This is a low*». Когда я вернулся в гостиную, оказалось, что чудеса на сегодня не закончились. Краем глаза я заметил движение за окном и, обернувшись, встретил чей-то пристальный взгляд. Мне понадобилась целая вечность, чтобы понять: с той стороны на меня смотрела Мэгги Берк, та самая Мэгги Берк, только с другой прической; мы миллион раз слушали *Blur* вместе, а «*This is a low*» была одной из наших любимых песен. Невероятно.

Мэгги уехала в Лондон пять лет назад. Наша дружба, из которой в свое время выросла подростковая влюбленность, была крепка, но слишком много воды утекло с тех пор; Мэгги успела выйти замуж – а по слухам, и развестись, – у меня родилась дочь. Но оставалась еще память о днях, когда наше с Мэгги и Россом боевое братство было нерушимо. Увидеть у себя под окном Мэгги Берк было все равно что вернуться в детство.

Мэгги махала мне рукой и что-то говорила.

Впустишь ты меня, наконец?

Я распахнул дверь, и мы уставились друг на друга, как два идиота, не зная, что делать дальше. Мэгги теперь была со мной почти одного роста, стрижка стала немного короче – и, надо сказать, намного элегантнее, – и время, когда моя подруга из принципа одевалась во все черное, судя по всему, миновало. Теперь на ней были джинсы и яркая майка с надписью «*So beat it!*»².

Мы обнялись. От Мэгги пахло духами. Раньше она ими не пользовалась.

– Вижу, ты не утратил хороший вкус, – заметила Мэгги, немного отстранившись.

Первым делом она захотела пройтись по дому. Обходила комнату за комнатой, с восторгом узнавала давно надоевшие мне старые вещи, вспоминала связанные с ними истории. Радовалась им, как старым друзьям. Задержалась у музыкаль-

² Здесь: Забей! (англ.)

ного центра, перебрала пластинки. Потом пришел черед развешанных по стенам фотографий; на одних были мы с Марком, на других родители. С одного из снимков глядела сама Мэгги. На свой портрет она воззрилась с изумлением и ужасом, словно маленькая девочка на огромного паука. Как будто застывшее изображение таило в себе угрозу. Кроме Мэгги на снимке были Росс, Фред Фостер и я, в уморительных акробатических позах. Мы изображали Могучих Рейнджеров.

Деревянные статуэтки Харрисона остались на десерт. Отставной шериф подарил нам три свои работы: бюст мужчины в шляпе, грустного лысого человечка и еще одну фигурку, которая появилась уже после отъезда Мэгги, – женщину, воздевшую руки в немой мольбе.

– Харрисон заметно вырос, – проговорила Мэгги, проведя кончиком пальца по гладкому дереву.

– Так и есть. У него полно времени, чтобы совершенствоваться.

Потом мы отправились в лес. Мэгги страшно соскучилась по его перепутанным тропинкам. Она уверенно провела меня сквозь чащу и ни разу не заблудилась. Наше любимое место, болото, где жили бабочки, пропало после отвода реки Чемберлен. Мэгги слышала об этом от отца, но решила, что не поверит, пока не увидит своими глазами. Мы договорились, что сходим туда вместе с Россом.

Когда мы вернулись домой, Мэгги спросила, почему на стенах нет снимков Дженни. Я объяснил, что не хочу вешать

в гостиной новые фотографии, чтобы не нарушать композицию, старательно и любовно выстроенную мамой. Четыре портрета Дженни, по одному на каждый год, висели в коридоре. Это были отличные снимки, намного лучше остальных; я зажег свет, чтобы моя гостя могла ими полюбоваться.

– Джонни, какая она у тебя красавица!

Мэгги внимательно разглядывала фотографии моей дочери, и с лица ее не сходила улыбка. Слава богу. Мы с Тришей стали встречаться почти сразу после отъезда Мэгги и очень быстро завели ребенка. Со стороны могло показаться, что я тут же забыл свою первую любовь. Скоротечность нашего брака говорила сама за себя, но я все равно продолжал себя винить. Увидев, что Мэгги понравилась Дженни, я вздохнул с облегчением.

– Я вас познакомлю. Знаю, все родители так говорят, но Дженни на редкость способная и смышленная девочка.

– Буду счастлива познакомиться.

Она вдруг погрузилась. Миссис Ллойд сказала Россу, что Мэгги потеряла ребенка, но об этом я спросить не решался. Были времена, когда мы доверяли друг другу все свои тайны, но от прежней близости давно не осталось и следа.

– Ты с Россом-то виделась, Мэггс?

– Пока нет. Все время была с родными. Кстати, ничего, что я без приглашения?

Я улыбнулся:

– Да брось, о чем ты?

Мэгги в двух словах поведала о непростом разводе с Эндрю, а я рассказал о недолгом – и уже оконченном – романе с Лилой. Ей показалось странным, что бывшая подружка не простилась со мной перед отъездом. Я ответил, что это длинная история, и пообещал рассказать ее как-нибудь потом, когда придет время. Время пришло через несколько минут.

– Это ты их рассматривал, когда я подошла? – спросила Мэгги, подойдя к столу, на котором лежали рисунки.

Мне вдруг отчаянно захотелось поделиться с кем-нибудь своими тревогами – а кто мог выслушать меня лучше Мэгги Берк?

Если я был марионеткой, за нитки дергал гениальный кукловод.

Мы устроились на веранде: я на стуле, Мэгги на качелях.

– Руки не доходят смазать, – повинился я.

Но Мэгги поскрипывание, похоже, нравилось.

– Расскажи мне обо всем, Джонни.

Мэгги знала, что я пью. Услышала от отца, спросила меня в одном из писем, а я не стал врать. В последний раз я сообщил ей, что продержался трезвым несколько месяцев и не собираюсь братья за старое. Мы с Тришей зачали Дженни на пьяной вечеринке, и мне пришлось жениться на нелюбимой женщине. Какое-то время я внушал себе, что Триша хорошая жена, а Дженни и вовсе благословение небес – последнее, кстати, было сущей правдой, – но невозможно обманывать себя вечно, и в один прекрасный день я отправился искать утешения на дне бутылки. Самое простое объяснение. Слишком простое. В действительности все было куда сложнее: в моей душе давно поселилось чудовище, затаилось и дремало, дожидаясь своего часа, чтобы наброситься на ослабевшую жертву.

– У меня был срыв, – признался я.

– Правда? Плохо. Ты говорил со своим куратором?

– Пока нет, но обязательно поговорю. Тут дело в том, что... как раз об этом я и хотел тебе рассказать. Но учти, история жутковатая.

Мэгги сделала страшные глаза.

Оглядываясь назад, я понимаю, что это был поворотный момент, после которого у нас не осталось путей для отступления.

– В прошлую субботу я проснулся на полу и понял, что у меня из памяти напрочь выпали несколько часов. Правда, на столе стояла бутылка из-под водки, которую я купил за несколько дней до этого, так что восстановить события было вроде бы несложно.

Я остановился. Раньше мы с Мэгги доверяли друг другу во всем, но сейчас моя откровенность могла поставить на нашей дружбе крест.

– Но это еще не все. На полу лежала мертвая девушка. А рядом с ней отцовский пистолет.

Мэгги изумленно охнула и обняла колени.

– погоди, Мэггс, все было не так, как ты подумала, – поспешно продолжил я. – На самом деле девушка мне помешалась. Марк считает, что у меня случилась онирическая галлюцинация. Только ужасно правдоподобная. Вспоминаю – мурашки по коже.

– Ты знал ту девушку?

– Нет, – быстро ответил я, – хотя что-то знакомое в ней было. Что-то совсем неуловимое.

Мэгги легонько покачивалась на качелях.

– Я плохо соображал, – продолжал я. – Зачем-то пошел в лес, чтобы выкинуть бутылку. Наверное, решил, что мне...

никто не поверит. Ведь все указывало на то, что я убийца. Труп, пистолет, бутылка эта чертова...

Мэгги смотрела на меня с недоверием, но было в ее глазах и что-то еще, то, чему я никак не мог придумать названия.

Я рассказал о фургоне на заброшенной дороге, о компьютере и камере наблюдения.

– Раньше с тобой ничего такого не случилось?

– Никогда, – проговорил я не слишком уверенно.

– И больше не повторялось?

– Повторилось, к сожалению. Через два дня.

– С одним моим приятелем в Лондоне была похожая история, – произнесла Мэгги, тщательно подбирая слова. – Ему тоже казалось, будто за ним следят. В конце концов он стал принимать таблетки, и все наладилось.

– Хорошо бы и у меня также наладилось.

– Когда ты понял... что у тебя галлюцинации?

– Когда вернулся домой. Труп исчез, и все было как раньше. Потом приехал Марк и успокоил меня.

– Бедный ты мой.

– Это еще не конец. – Я грустно усмехнулся. – Та девушка стала мне сниться, и эти сны очень странные. Как будто она ведет меня через лес на поляну с двумя тополями. Помнишь ее?

Мэгги кивнула.

– Словно хочет мне что-то сказать, – добавил я.

– Ты говорил Марку про сны?

Я понял, на что она намекает.

– Звучит как полное безумие, Мэггс, я знаю.

Мы помолчали. Говорить с Мэгги было удивительно легко. Совсем как раньше. Как будто мы не расставались на долгие годы.

– Я видел тот фургон в Линдон-Хилле, – произнес я с тяжелым вздохом. Чего стесняться, она и так считает меня психом.

Пришлось рассказать и о парне в синем берете, и о пьяном сне на веранде.

– Ты не виноват, Джонни. Если бы я только приехала раньше...

От этих слов на душе у меня потеплело. Я улыбнулся Мэгги, и она улыбнулась в ответ.

– Я никому об этом не рассказывал, – сказал я. – Даже Россу. Только Марку и вот теперь тебе...

Качели слегка поскрипывали.

– Ты точно никогда не видел ту девушку? Я, конечно, не верю в потусторонний мир и прочую мистику, но что, если это сигнал из подсознания?

– Вчера я поругался из-за этого с Марком. Он что-то знает, но пока не хочет говорить.

Мэгги наморщила лоб:

– Знает про девушку или про твои галлюцинации?

– Понятия не имею – он же не говорит! – грубовато ответил я.

– Не похоже на Марка. Он таким не был.

– Я сам удивляюсь. Какие-то странные дела творятся.

Мы еще немного помолчали. Рядом с Мэгги время текло легко и незаметно.

Когда-то качели были нашим любимым местом во всем доме. Мы сидели здесь теплыми ночами, пили пиво и целовались. И не только целовались, если тетя Одри успевала крепко заснуть. То, что превратилось в воспоминания, с появлением Мэгги оживало.

– Не могу поверить, что ты здесь, Мэггс. Думаешь остаться в Карнивал-Фолс?

– Не знаю.

– Ладно, обсудить планы на будущее мы еще успеем. А сейчас позволь, я доскажу свою историю.

– Давай.

– На следующий день я нарисовал девочку в голубом платье. Ты ее видела. Я давно искал нового персонажа, приятеля для Люси, перепробовал разных зверей, но про девочку никогда не думал. А все оказалось до смешного просто. Но когда я закончил рисунок, вдруг стало ясно, что это та самая девушка, которая привиделась мне в гостиной.

– Она была в голубом платье?

– Нет – в этом-то и странность. Но я все равно каким-то образом понял, что это она.

Мэгги крепче сжала руками колени.

– Отвези меня домой, Джонни. Что-то не хочется возвра-

щаться пешком.

Я вымученно улыбнулся.

Blur давно допели все песни, тишину нарушали только шум ветра в кронах деревьев и мерное поскрипывание качелей.

– А что это за машина на фотографии? – спросила Мэгги.

Я пустился было в объяснения, но вдруг замер от страшной мысли. Я в панике схватился за телефон.

Дженни.

Я должен был приехать к Дженни в три!

Три давно миновало. Ты худший отец во вселенной.

Мэгги вздрогнула, испуганная моим резким движением. Я заставил себя взглянуть на часы – и душа вернулась в тело. Еще не было двух.

– Мне нужно к Дженни, – сказал я виновато.

Мэгги подождала, пока я приму душ и переоденусь. Я пообещал уложиться в четверть часа и сдержал слово, ровно через пятнадцать минут спустившись на первый этаж в одной из своих лучших рубашек, которую, что уж скрывать, надел только для того, чтобы произвести впечатление на гостью.

У Мэгги был загадочный вид.

Когда я подошел, она протянула мне свой телефон:

– Это она?

На экране был карандашный портрет девушки с ожерельем.

– Что?... – пробормотал я, похолодев.

– Это из блога, – просто ответила Мэгги.

– Как... – Я не находил слов.

Мэгги управлялась с телефоном с ловкостью, которая мне и не снилась. На странице, которую она отыскала, был тот же самый портрет, только мельче. Подпись под ним гласила:

ТЕБЕ СНИТСЯ ДЕВУШКА В ГОЛУБОМ?

ТЫ НЕ ОДИН ТАКОЙ.

Я отвез Мэгги к родителям. Мы оба умирали от любопытства. История девушки в голубом обрастала новыми загадками. Я не верил во всякую паранормальную чушь, а значит, происходящему надо было найти рациональное объяснение. Мы условились созвониться вечером, когда оба почитаем блог. Я все еще недоумевал, как Мэгги удалось так быстро его разыскать.

По дороге к дому Триши я заставил себя выкинуть мистику из головы и сосредоточиться на Дженни. Я ни за что не взялся бы объяснить природу родительской любви; этого всеобъемлющего и изматывающего счастья не передать никакими словами. Мне пришлось рано повзрослеть; когда родилась Дженни, я пообещал себе стать другим человеком, настоящим отцом с большой буквы. Увы, клятвой я лишь раздражил своих демонов – с катастрофическими последствиями. Понадобилось немало времени, чтобы понять: куда честнее и проще оставаться самим собой. В сентябре Дженни исполнилось пять, и весь последний год наша дружба крепла день ото дня.

Триша открыла сразу же – я едва успел убрать палец с кнопки звонка. Оглядела меня с головы до ног, как сотрудник аэропорта подозрительного пассажира, и, убедившись, что меня можно впустить в дом, процедила сквозь зубы

приветствие. Я заглянул ей за плечо, высматривая Дженни: обычно дочка с разбега бросалась мне на шею, стоило только переступить порог.

– Дженни наверху, – объявила Триша, пропуская меня в гостиную.

– Понятно.

Я захватил из дома сумку с бумагой для рисования, цветными карандашами и красками.

– У Дженни сегодня нелегкий день.

– Она заболела?

Триша покачала головой:

– Знаешь, она ведь пошла в меня. Попробуй с ней поговорить.

Я кивнул. Моя бывшая жена была здравомыслящей женщиной, и обычно с ней можно было договориться, но время от времени она делалась сумасбродной и мнительной. В тот день мне посчастливилось иметь дело со светлой стороной Триши.

Дочка в детской играла со своими Барби и грандиозным кукольным домом в три этажа, которого я раньше не видел. Дженни сидела на корточках, но, даже встань она во весь рост, пластиковое страшилище все равно оказалось бы выше.

– Привет, Дженни!

Она притворилась, что не слышит, и продолжала воображаемый диалог между куклами, затеявшими поход в салон

красоты. Никогда еще Дженни не оказывала мне столь холодный прием. У меня сжалось сердце.

Я разложил карандаши с красками на круглом столике у окна и подошел к дочке. Опустился рядом с ней на колени и снова позвал. На этот раз Кэсси и Мэнди прервали оживленный разговор; Дженни задумалась на секунду, но все-таки решила не отзываться. Сам виноват, сказал я себе.

– Дженни, я немного порисую. А потом ты познакомишь меня со своими подружками и покажешь их домик, если захочешь.

Стульчики рядом со столиком были совсем крохотные, так что я сел прямо на пол и взялся за карандаши. Я не при-
нуждал дочку к рисованию, но старался время от времени развлекать ее забавными картинками. Дженни росла одаренной девочкой и могла бы стать настоящей художницей, если только ее таланту не суждено было погибнуть под тяжестью купленных на деньги Моргана особняков для Барби.

– Значит, у Кэсси и Мэнди новый домик, – повторил я, не отрываясь от рисунка.

– Да, – ответила Дженни.

– Очень милый.

– Мне его мама и Морган купили, потому что я хорошо себя вела.

Я нажал на грифель сильнее, чем нужно, и на бумаге осталась жирная черная точка.

Дженни продолжала играть, но краем глаза я видел, что

она с интересом поглядывает на мой рисунок.

– Прости, что я так долго не приезжал, Дженни, – проговорил я, немного помолчав. – У меня были всякие серьезные дела, но я с ними разобрался. Я очень по тебе скучал.

Дочка ничего не ответила, но и Кэсси с Мэнди притихли.

– Хочешь посмотреть домик?

– С удовольствием.

Я пристроился рядом с Дженни. По моим расчетам, такие хоромы должны были стоять целое состояние. В них оказалась целая тьма комнат, обставленных крошечной мебелью, которая выглядела совершенно как настоящая. Имелись даже дверной звонок и лифт на террасу с джакузи. Дженни устроила мне подробную экскурсию и с помощью Кэсси продемонстрировала возможности всего, что было в доме. Ее личико постепенно светлело, и, когда мы добрались до ванной комнаты с туалетным столиком и душевой кабинкой, у которой задергивалась шторка, дочка совсем оживилась и болтала без умолку.

Следующие полчаса я провел, валяясь на ковре в детской и манипулируя куклой-анорексичкой, – и был совершенно счастлив. Когда видишь своего ребенка только по выходным, любое его достижение становится невероятным открытием. Дженни начала говорить очень рано и стремительно набирала словарный запас. Когда она сообщила, что Мэнди «обескуражена», я чуть не лопнул от гордости.

Наигравшись в домик Барби, мы стали рисовать. Если

не считать возвращения Мэгги, часы, проведенные с дочкой, были лучшим, что случилось со мной за неделю. Жизнь определенно налаживалась.

Блог пользователя SpeedRacer95

13 декабря

Записывать сны непростое дело: обычно я их не запоминаю. Я пробовал наговаривать на диктофон сразу после пробуждения, не вставая с постели, но вскоре убедился, что нет ничего эффективнее старого доброго блокнота на тумбочке.

Этой ночью все было по-другому. Этой ночью я увидел такой яркий сон, что блокнот мне не понадобился. Вообще ничего не понадобилось. До вчерашнего дня самым удивительным – и, пожалуй, единственным по-настоящему удивительным – сном в моей жизни оставалось посетившее меня в семь лет красочное видение, в котором мамин красный «мустанг» плавал по затопившему наш сад морю лавы. То видение было настолько реальным, что я очень долго считал, будто видел его взаправду, когда бродил во сне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.